

Птички

КОМЕДИЯ В ТРЕХ АКТАХ

Перевод
Л. ЗАВЬЯЛОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бландине.

Франсуа, его брат.

Тибюрс, сын Франсуа.

Леонс, сын Бландине.

Обертен, друг Бландине, коммерсант.

Мизабран, сапожник.

Второй сапожник.

Жозеф, слуга.

Генриетта, жена Бландине.

Лора, дочь Обертена.

Прюданс, горничная.

Действие происходит в Париже во второй половине
XIX века.

А К Т П Е Р В Ы Й

Изящно обставленная гостиная. Дверь в глубине в середине и две боковые двери. Посередине — накрытый стол; справа — круглый столик на одной ножке; слева — диван.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Генриетта, Леонс, затем Жозеф.

Генриетта на диване, вышивает саше. Леонс сидит рядом с ней на пуфе.

Генриетта. Видишь, из-за твоих сердечных излишней я не успела закончить вышивание.

Леонс. Не велика беда!

Генриетта. Лора будет недовольна.

Леонс. Оказывается, оно ей предназначается?

Генриетта. Это мой пай... в пользу благотворительной лотереи, которую устраивает Лора. Она сегодня зайдет за ним.

Леонс. Ах! Сегодня мы увидим мадемуазель Обертен?

Генриетта. Да, мсье, мы ее увидим.

Леонс. И вы мне обещаете поговорить с ней?

Генриетта. Да, обещаю. А ты со своей стороны поговори с отцом. И если все будет так, как я предполагаю, то не пройдет и двух недель, смотришь — «Мсье и мадам Бландине имеют честь сообщить друзьям и знакомым о бракосочетании мсье Леонса Бландине, их сына и пасынка, с мадемуазель Лорой Обертен».

Леонс. Какая вы добрая!

Генриетта. Ну еще бы! Чтобы побороть предубеждение против мачехи, надо быть доброй вдвойне.

Леонс. Мне кажется, став женой моего отца, вы стали в то же время моей сестрой.

Входит Жозеф, ставит на накрытый стол поднос и пододвигает к столу стул, который стоял слева.

Генриетта. Но тем не менее, сударь, вы должны меня бояться и слушаться.

Леонс (*разыгрывая из себя мальчика*). Да, мама...

Жозеф. Сударыня... завтрак подан.

Леонс. Жозеф... доложите отцу.

Генриетта (*Жозефу*). Хозяин у себя в кабинете... он сейчас... занят безрассудным делом.

Леонс. Безрассудным делом? Как это понять?

Жозеф уходит в дверь налево.

Генриетта. Он пишет своим квартирантам... о повышении платы за квартиру.

Леонс. Отец... повышает плату за квартиру?.. (Смеется.) Полноте, просто невероятно... вот уже двадцать лет он никак не мог на это решиться.

Генриетта. Сегодня утром я склонила его к этому... Ох, сколько же труда пришлось мне положить! Он заявлял: «Они для меня больше не квартиранты, а мои друзья. Поступив таким образом, я потеряю их двадцатилетнюю дружбу...».

Леонс. Бедняга отец!.. Узнаю его доброе сердце...

Генриетта (*заметив Бландине, входящего слева с бумагой в руке*). Вот и он!

Генриетта встает, как и Леонс, который проходит вперед налево.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Генриетта, Леонс, Бландине, затем Жозеф.

Генриетта (*мужу*). Ну что, готово?

Бландине. «Готово!» «Готово!..» Ты полагаешь, что это может получиться само собой?.. (*Развертывая бумагу*.) Я набросал черновичок...

Леонс. Ба! Сколько помарок!

Бландине. Да... я пытался смягчить удар. (Читает.) «Мсье...» (Запнувшись.) «Мсье...» И это тем, с которых получаешь деньги вот уже двадцать лет подряд!

Генриетта. Напиши: «Дорогой мсье...».

Бландине. Верно. (Берет карандаш.) Сейчас же напишу, чтобы не забыть. (Пишет.) «Дорогой мсье... поверьте, что я с болью в сердце берусь за перо, дабы известить вас...».

Генриетта. Очень хорошо!

Бландине. Не слишком ли сухо?

Леонс. Нисколько!

Бландине (читая). «Однако причины, о вескости которых вы сможете судить, прочтя это письмо, принуждают меня принять серьезное решение...».

Леонс. Превосходно!

Генриетта. А дальше?

Бландине. Вот!.. На этом месте я остановился...

Генриетта и Леонс. Как так?

Бландине. Поймите! Я ссылаюсь на причины, которых не существует... Ах, если бы они у меня имелись! Но у меня их нет!.. Дом мой все такой же, каким он был, когда я его сдал квартирантам... я его не расширил... я его не подновил... наоборот: потолки почернели, замки скрипят... Да ведь им следовало бы просить у меня снижения платы! Надо быть логичным!

Генриетта. Без сомнения, друг мой... но, поскольку цены на все растут...

Бландине (воодушевляясь). Нет. То, к чему вы сейчас хотите меня склонить, — жестоко, отвратительно, мерзко!

Леонс. Отец!

Генриетта. Полноте, полноте... не будем больше об этом говорить... и, пожалуйста, садитесь за стол...

Бландине. Нет... мне не хочется есть... Когда тебе предстоит написать подобное письмо...

Генриетта. Ну, так ты напишешь его потом, к следующему сроку платы за квартиру.

Бландине (в восторге). Вот именно... тем самым у меня окажется время, чтобы подыскать причины... веские... если таковые существуют.

Садятся за стол.

Б л а н д и н е. Так будет куда лучше. (Леонсу.) Поддай мне редис... Кстати, тебе известно, что сегодня приезжает из Эльбёфа мой брат Франсуа?

Г е н р и е т т а. Я распоряджусь, чтобы приготовили ему комнату.

Л е о н с. Нисколько не сомневаюсь, что дядя повышает квартирную плату своим жильцам.

Б л а н д и н е. Если у него имеются основания, он поступает правильно... Когда у меня есть к чему-либо основания, я непоколебим... я даже до некоторой степени варвар.

Г е н р и е т т а. Ты?

Л е о н с (смеясь). Бедняжка отец!

Б л а н д и н е. Свидетель тому наш бывший кучер Вильямс.

Г е н р и е т т а. Он ежедневно напивался.

Л е о н с. Он вываливал нас из кареты по три раза в неделю.

Б л а н д и н е. И поэтому я его довольно резко выставил за дверь.

Г е н р и е т т а. Ты хочешь сказать, что я его выставила...

Б л а н д и н е. Да... ты! Но я тебе сказал: не желаю его больше видеть... пускай убирается!.. А ты взяла на себя частности этого дела.

Л е о н с. А когда он уходил, вы послали ему через Жозефа сто франков.

Б л а н д и н е. Жозеф — болтун!.. (Леонсу.) Поддай мне вина.

Л е о н с (наливая ему вино). Да, отец, вчера на бирже ходили дурные слухи о вашем банкире, господине Тюрнепсе... Говорят, будто с ним плохо.

Б л а н д и н е. Ах, бедняжка!... Надо будет его навестить.

Л е о н с. Да нет же!.. Плохи его дела...

Б л а н д и н е. Неужели? Ах, как это неприятно...

Л е о н с. Тем более что у него лежат на вашем текущем счету триста тысяч франков.

Б л а н д и н е. Это верно!

Л е о н с. И, если вам будет угодно позволить мне забрать у него эти деньги...

Бландине. Ах!.. Прямо так, сразу?.. Это могло бы его обидеть.

Леонс. Тем не менее...

Бландине. Следовало бы забрать эти деньги деликатно, не подавая виду... скажем, по пятьсот франков...

Леонс (в сторону). Так этому конца-края не будет.

Бландине. Кстати, мне передавали, что сегодня утром заходил мой сапожник, мсье Мизабран.

Генриетта. Да, он обещал зайти опять... Один из твоих квартирантов... что расплачивается с тобой словами.

Входит Жозеф с подносом, на котором стоят кофе и чашки.

Бландине. Он отец семейства... и, в конце концов, он мне должен только за полтора года!..

Жозеф убирает тарелки и каждому подает чашку кофе и сахар.

Леонс. За полтора года!

Бландине. Да... Но он со мной частично расплачивается... На прошлой неделе принес мне еще три пары сапог.

Генриетта. Которые ты ему не заказывал...

Бландине. Это верно!... Он был настолько деликатен, что шил мне их по собственному почину.

Жозеф уходит.

Генриетта. И в результате сейчас у тебя в шкафу скопилось шестьдесят пар новых сапог...

Бландине. Что поделаешь! Я не успеваю их снашивать... И потом вы сами виноваты... если бы вы тоже заказывали ему обувь, то он скорее бы расплатился... Этому человеку только поработать, ничего другого он не спрашивает!

Леонс. Покорно благодарю... Он шьет точно на словесные ноги!

Входит Жозеф с графином водки и ставит его на стол.

Бландине. Да, но зато его обувь прочна... и не жмет.

Жозеф. Мсье...

Бландине. Что такое?

Жозеф. Пришел мсье Мизабран... Он хочет поговорить с вами по поводу квартирной платы.

Генриетта и Леонс (*удивленно*). Скажите пожалуйста!

Бландине. Вот видите, он принес мне деньги. (*Жозефу.*) Проси. (*Генриетте и Леонсу.*) Не следует преждевременно судить о людях.

Входит Мизабран. Жозеф уходит, унося поднос и тарелки.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Бландине, Генриетта, Леонс, Мизабран.

Бландине. Входите же, мсье Мизабран... входите! Мизабран (*говорит с немецким акцентом*). Ах, пардон... я помешал мсье и мадам, я найду попозже.

Бландине. Нет! Не уходите! Я допью кофе и весь в вашем распоряжении... Прошу вас, присядьте.

Мизабран (*посмотрев налево и не увидев стула, кладет шляпу на пол*). Да я не устал...

Бландине. Итак, что новенького? Дела налаживаются понемножку?

Мизабран (*извлекая из кармана метр*). Ох-ох, мои дела... (*Опускается на колени рядом с Бландине и снимает мерку с его ноги.*)

Бландине (*не замечая этого*). А мне передавали... (*Увидев, что делает Мизабран.*) Послушайте, что это вы делаете?

Мизабран. Я думал, что, поскольку подходит срок платить за квартиру...

Генриетта (*тихо, к Бландине*). Вечно одна и та же песня!

Леонс (*тихо*). Очередной куплет.

Бландине (*тихо*). Сейчас поговорю с ним... Он стал злоупотреблять... (*Встает, громко.*) Мсье Мизабран, надеюсь, что вы не поймете меня превратно... но признаюсь... что сегодня... (*глядя на Генриетту и повышая голос*) я надеялся получить часть денег...

Мизабран. Поверьте, что...

Бландине (понижая голос). Не все сразу... но частично...

Мизабран. Я не виноват, мсье Бландине... И, конечно, если б я мог... Еще сегодня утром я сказал жене: нет большего счастья, чем исправно платить за квартиру!

Бландине. Очень хорошо... подобные намерения оказывают вам честь...

Мизабран. Но сапожное дело застопорилось... из-за войны в Америке. Ну что я могу поделывать?

Бландине (жене и сыну, снова усаживаясь за стол.) В самом деле, что он может поделывать...

Мизабран. Не говоря уже о том, что жена у меня больна, у младшего ребеночка коклюш... Он так кашляет, что, того и гляди, ваши потолки треснут...

Бландине. Вот как! Но...

Мизабран (поспешно). Но мы этого не допустим...

Бландине. И на том спасибо...

Мизабран. К тому же мы не можем топить печку.

Бландине. Почему?

Мизабран. Она так дымит, что разъедает глаза...

Бландине. Это от сажи... Вы прочищали дымоход?

Мизабран. Ах, сударь... дважды в год!..

Бландине. Значит, дело в дымоходе...

Мизабран. По всей вероятности... И если бы вы были так добры и распорядились переделать дымоход...

Бландине (Генриетте). Дело в том, что...

Генриетта подает ему знак, после которого Бландине повышает голос.

Но, позвольте, вы требуете, чтобы я произвел вам ремонт...

Мизабран. Я, мсье? Я ничего не требую, мсье слишком добродетелен, чтобы от него еще что-то требовать... Если только мсье соизволит... мы и совсем не будем топить печку.

Бландине. Я этого не говорю.

Мизабран. А я все равно приглашу трубочиста!.. Я же порядочный квартирант...

Бландине. Знаю... знаю...

Мизабран. Поверьте, что, не заболей мой малыш коклюшем... и не начнись у моей жены флюс...

Б л а н д и н е (в сторону). Бедные люди! (Громко.) Собственно говоря, дымоход... это, должно быть, совсем несложно...

М и з а б р а н. Сущий пустяк! С этим делом справится любой самый захудалый каменщик, печник или архитекторишка.

Б л а н д и н е. Ладно... не беспокойтесь... я напишу своему архитекторишке (спохватываясь)... своему архитектору...

М и з а б р а н. О-о! Спасибо, мсье... Все-таки вы меня огорчили...

Б л а н д и н е. Я?

М и з а б р а н. Да... Похоже было, что вы думали, будто я не желаю уплатить за квартиру...

Б л а н д и н е (поспешно). Я этого не говорил! Вы ошиблись, мсье Мизабран!.. Вы ошиблись! (Встает.)

М и з а б р а н (хныкая). Тяжело, когда ты честный человек... и у тебя больная жена...

Б л а н д и н е. Полноте, мужайтесь! Все устроится!

М и з а б р а н. Ах нет, мне не везет... Прощайте, мсье...

Б л а н д и н е (удерживая его, тихо). Ну ладно, шейте мне две-три пары обуви... Только не говорите моей жене!

М и з а б р а н. Хорошо, мсье... Обратите свое внимание, мсье, на то, что ваша нога расплнела.

Б л а н д и н е. Ах!

М и з а б р а н. Я говорю вам это не к тому, чтобы взять с вас дороже!..

Б л а н д и н е. Тем не менее... если это в значительной мере...

М и з а б р а н. Нет, мсье! Старым клиентам цену не набавляют.

Б л а н д и н е (в сторону). Ах, это хорошо... он не лишен принципиальности... (Громко.) Ну что ж, прощайте. Мизабран!

М и з а б р а н (откланиваясь). Мадам... мсье...

Б л а н д и н е (проводя его). Мужайтесь! Мужайтесь!

М и з а б р а н. Ах, мсье, не будь Америки...

Б л а н д и н е. Все уладится! Все уладится!

М и з а б р а н уходит.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Бландине, Генриетта, Леонс, затем Жозеф.

Бландине (снова усаживаясь за стол). Бедняга! Я обошелся с ним несколько круто.

Леонс. Я даже нахожу, что вы были жестоки.

Генриетта. И при всем том ты не получил ни гроша и пообещал произвести ремонт...

Бландине. Подумаешь, ремонт! Что-то там в трубе! В конце концов, не могут же эти люди жить, не отапливаясь. Я сдаю им комнату с печкой, и она должна греть! Надо же быть последовательным!

Генриетта. Но они тебе не платят.

Бландине. Ну, это уж одно другого не касается.

Жозеф (входя). Мсье, пришли ваши квартиранты...

Бландине (жене). Видишь... в полдень... какая пунктуальность!

Генриетта и Леонс встают.

Генриетта. А деньги они принесли?

Жозеф. Не знаю... только они желают предъявить какие-то требования.

Входит Прюданс и помогает Жозефу убрать со стола.

Бландине. Проводите их ко мне в кабинет.

Генриетта (Леонсу). Я прошу тебя пойти с отцом

Леонс. Охотно.

Бландине. Да, пожалуй, так будет лучше. Когда мы будем вдвоем... я смогу сослаться на тебя. Пошли!

Они направляются к выходу, когда появляется Тибюрс.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Те же, Тибюрс.

Леонс. А вот и Тибюрс!

Бландине. Племянничек!

Генриетта (в сторону). Он!

Леонс подходит к мачехе.

Тибюрс. Здравствуйте, дядя... здравствуй, Леонс... (Сдержанно здороваясь с Генриеттой.) Тетя...

Бландине. Послушай-ка! Что с тобой стряслось? Я тебя не видел с нового года... а бывало ты почти что жил у нас.

Тибюрс (*смущенно*). Это верно, дядя. Но, знаете, дела! Я много работаю...

Бландине. А-а!

Тибюрс. Да, чрезвычайно много. (*Меняя тон*.) Папа не приезжал?

Бландине. Нет еще. Мы его ждем.

Тибюрс. Он назначил мне здесь свидание.

Бландине. А не то ты бы и не пришел... Ох, надо бы мне тебя побранить... но погоди... Меня ждут люди... побудь пока с тетей... Пошли, Леонс... Так очень удобно... Я во всем сошлюсь на тебя.

Бландине и Леонс уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Генриетта, Тибюрс.

Генриетта, которая после прихода Тибюрса снова принялась было за рукоделие, оставшись с ним вдвоем, сразу же встает и складывает свою работу.

Тибюрс (*подходя к ней, в нерешительности*). Вы больше не работаете, тетя... рисунок уже закончен?..

Генриетта сухо раскланивается и уходит в дверь налево.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Тибюрс, затем Франсуа.

Тибюрс (*один, посмотрев ей вслед*). Вечно одно и то же! Опять сердится... Тетя мила, но очень обидчива... слишком обидчива!

Шум в прихожей.

Франсуа (*входя*). Что за кучер!.. Требуется на чай... знаем мы их.

Ставит свой чемодан в глубине сцены, слева.

Т и б ю р с. Вот и папа!.. Здравствуй, папа!..

Ф р а н с у а. А-а, это ты, сынок!..

Т и б ю р с (делая вид, что обнимает его). Можно?..

Ф р а н с у а (отстраняя его). Минутку!.. Сначала поговорим... Как работа?

Т и б ю р с. Хорошо!

Ф р а н с у а. Поведение?

Т и б ю р с. Превосходно.

Ф р а н с у а. Нравственность?

Т и б ю р с. Безупречна.

Ф р а н с у а. Прекрасно... Ну, тогда поцелуй меня.

Целуются.

(В сторону.) Вот как надо обращаться с детьми!

Т и б ю р с. В Эльбёфе все в порядке?

Ф р а н с у а. Более или менее... С хлопчаткой неважно, зато сукно пошло живее... (Энергично.) Кончится тем, что мы превратим их в лепешку!

Т и б ю р с. Кого это?

Ф р а н с у а. Ясно кого, англичан!.. Я как раз обзавелся пятнадцатью новыми ткацкими станками... Чтобы им досадить! Гм!.. Где брат?

Т и б ю р с. У себя в кабинете... пойду предупрежу его. (Поднимается.)

Ф р а н с у а (проходя направо). Нет... не беспокой его... побеседуем... Мы говорили о том, что ты работаешь?..

Т и б ю р с. Да, папа!..

Ф р а н с у а. И это действительно так?

Т и б ю р с. Вы сомневаетесь?

Ф р а н с у а. Нет... но я верю лишь тому, в чем убеждаюсь собственными глазами. Ты ведешь защиту?

Т и б ю р с. Пока нет... дел мне не поручают... но я даю уроки юриспруденции...

Ф р а н с у а. И зарабатываешь деньги?

Т и б ю р с. Да, папа.

Ф р а н с у а. Сколько?

Т и б ю р с (запинаясь). Да...

Ф р а н с у а. Сколько?

Т и б ю р с (решительно). Четыреста франков в месяц!

Франсуа. Славно... Ну покажи...

Тибюрс. У меня нет их при себе.

Франсуа. Ты не позабыл о нашем уговоре?.. Когда у тебя будут сбережения... я тут... отсылай их мне.

Тибюрс. Да, папа.

Франсуа. Я тебе пообещал десять процентов... в качестве поощрения... Но я еще ничего не получал.

Тибюрс. Кроме того... в этом году я приобрел обстановку...

Франсуа. Вот как! Завтра утром пойду посмотреть твою мебель.

Тибюрс. И потом я еще купил золотые часы... На цепочке. *(Показывает.)* Вот...

Франсуа. Карманные часы в Париже! Совершенно ни к чему!.. На каждом углу часы!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Те же, Бландине и Леонс.

Бландине *(входя, сыну)*. Говорю тебе, они правы... Они не обязаны оплачивать двери и окна!

Леонс. Но, папа, так заведено...

Бландине. Я сдаю им дом... Так, значит, они должны в него входить и выходить. Надо быть последовательным.

Франсуа *(вмешиваясь)*. Раз тебе говорят, что так заведено...

Бландине. Франсуа! Ты! Я тебя не заметил. Как доехал?

Франсуа. Очень хорошо.

Обмениваются рукопожатием.

Бландине. В Эльбёфе все в порядке?

Франсуа. Более или менее... сукно пошло живее.

Бландине. Что ж, тем лучше!

Леонс *(здороваясь с Франсуа)*. Здравствуйте, дядя... вы меня не узнаете?

Франсуа. Это Леонс! мой племянник! *(Пожимает ему руку.)*

Бландине. Ты его не видел два года... Он отрастил себе усы.

Франсуа. Ты ему разрешил?..

Бландине. Что?.. Отращивать усы? А мне-то что за дело.

Франсуа. Черт возьми! Ты не уважаешь сам себя.

Бландине. Ведь носит же усы твой сын.

Франсуа. Тибюрс?

Бландине. Мне кажется, что... (Смотрит на Тибюрса, в сторону.) Ба! Да он их сбрил!..

Франсуа. Ну и что же будет из этого молодца с усами?

Бландине. Он адвокат.

Леонс. Я адвокат.

Бландине. Как и его двоюродный брат.

Франсуа. И защиту он тоже ведет?

Леонс. Пока еще нет...

Франсуа. Вот как! Выходит, что парижские адвокаты защиты не ведут! Чем же ты занимаешься?

Бландине. Ну... он гуляет... бывает в обществе.

Тибюрс (отцу). Вот видите...

Франсуа (Тибюрсу). Тсс! Не слушай его!

Бландине. И потом он помогает мне управлять моим недвижимым имуществом. Он получил от меня полномочия.

Франсуа. Это не утомительно!

Леонс (в сторону). Что ему за дело?

Франсуа. Я лично исхожу из того, что в двадцать лет молодой человек уже мужчина... и уже ничего не должен стоять своим родителям. (Тибюрсу.) Это относится и к тебе!

Тибюрс. Да, папа...

Бландине. Как это? Совсем? На какие же средства, по-твоему, он должен существовать?..

Франсуа (указывая на Тибюрса). Видишь ты вот этого малого?.. Когда ему исполнилось двадцать лет и один день, я категорически отказался его кормить... я ему сказал: ты мужчина... выходи из положения сам... И он вышел... он учился... теперь он дает уроки юриспруденции... словом, зарабатывает деньги. Верно ведь?

Тибюрс. Да, папа.

Б л а н д и н е. Но ты же, наверное, добавляешь ему кое-какую мелочь?..

Ф р а н с у а. Пять луидоров в день моего рождения и пять луидоров на Новый год... Я помещаю эти деньги в мое предприятие из расчета, что он получает десять процентов... которые я снова вкладываю.

Б л а н д и н е. Много ему от этого радости!

Ф р а н с у а. В первый год он всячески старался выманить у меня что-либо хитростью... рассказывал мне романтические истории, чтобы как-нибудь меня раздобрить... я неизменно отвечал ему в двух словах: знаем мы это!.. всем сердцем твой!

Б л а н д и н е. И он тебя любит?

Ф р а н с у а. То есть как это — любит ли он меня? (*Внезапно, Тибюрсу.*) Ты меня любишь?

Т и б ю р с. О-о, да, папа!..

Ф р а н с у а. Вот... видишь?

Б л а н д и н е (*в сторону*). Еще бы! Если требуют ответа с ножом у горла!

Ф р а н с у а. Ну, а твой?.. Сколько ты ему даешь ежемесячно?

Л е о н с (*в сторону*). До чего же нетактичен этот дядя из Эльбёфа!

Б л а н д и н е. Да что там!.. Столько, сколько ему надо... мы не считаемся...

Л е о н с. Когда у меня кончаются деньги, я говорю об этом отцу...

Т и б ю р с. Отлично!

Ф р а н с у а (*Тибюрсу*). А ты не слушай этого! (*Повторяя слова Леонса.*) «Когда у меня кончаются деньги, я говорю об этом отцу», — представляю, что из этого получается... Слуга покорный!..

Б л а н д и н е. Леонс очень благоразумен...

Ф р а н с у а (*показывая на Тибюрса*). Когда этот молодчик явился на свет, я открыл на его имя счет... счет Тибюрса... И знаешь, во что он обошелся мне со дня рождения?

Б л а н д и н е. Нет!

Ф р а н с у а. В двенадцать тысяч франков!.. Представляешь?

Бландине. Просто даром... И в эту сумму входило все?

Франсуа. Все!.. Двенадцать тысяч франков и двадцать сантимов на письмо, в котором я ему объявил, что он больше от меня ничего не получит.

Бландине. Поздравляю!.. Леонс стоил мне по крайней мере вдвое больше...

Франсуа. Двадцать четыре тысячи франков!

Бландине. О-о! Я не сожалею об этих деньгах... Они пошли на моего славного мальчику... друга...

Леонс (*растроганно*). О да... который вас любит... который почитает вас как лучшего, нежнейшего и самого неотразимого из отцов!

Бландине и Леонс целуются.

Франсуа (*в сторону*). Мне эти штучки знакомы!.. Меня от них коробит. (*Громко.*) Где моя комната?

Бландине. Все там же... рядом с моим кабинетом.

Франсуа (*беря свой чемодан, Тибюрсу*). Ты пообедаешь со мной... мы проведем вечер вместе.

Тибюрс (*в сторону*). Ах, какая тоска!

Франсуа. Что такое?

Тибюрс. Дело в том, что... у меня сегодня урок... очень важный.

Франсуа. Очень хорошо... я пообедаю с твоим дядей... и зайду к тебе завтра... погляжу, что у тебя за мебель. Ну, а теперь... повидал я тебя... ты здоров... ступай. занимайся своими делами!

Тибюрс. Прощай, папа... дядюшка... (*Тихо, Леонсу.*) До чего въедливый мой папаша, правда, Леонс? (*Выходит.*)

Франсуа (*в сторону, глядя на Тибюрса*). Вот как я разбираюсь в детях. (*Уходит в дверь в глубине гостиной.*)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Бландине, Леонс, затем Обертен и Лора.

Бландине. Двадцатилетний сын обошелся в двенадцать тысяч франков.

Леонс. Да... недорого обходятся дядюшке дети.

Бландине. Признаюсь, я в таких случаях готов пла-
тить спола.

Обертен (*входит с Лорой*). Здравствуй, Бландине...

Леонс подходит к Лоре, отводит ее в сторону.

Бландине. А-а, это Обертен... что у тебя стряслось?

Обертен (*тихо, Бландине*). Ничего! Отошли детей,
мне нужно поговорить с тобой...

Бландине. Со мной?.. (*Громко, Леонсу*.) Отведи
Лору к твоей маме... кажется, она хочет ей что-то пере-
дать.

Лора (*встает*). Ах, да! Ее взнос в лотерею. Откро-
венно говоря, я как раз пришла за этим.

Бландине. Ступайте, дети мои...

Лора и Леонс уходят.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Бландине, Обертен.

Бландине. Ну, выкладывай... на тебе лица нет.

Обертен. Еще бы... вот уже три ночи, как я не
смыкаю глаз...

Бландине. У тебя заболела жена?

Обертен. Нет, друг мой... ровно месяц, как я не по-
лучаю известий о «Прекрасной Ирме».

Бландине. Что такое? Прекрасная Ирма?

Обертен. Корабль, который я ожидаю из Америки.

Бландине. Ну, это куда ни шло! «Прекрасная
Ирма» — я подумал было, что ты...

Обертен. Ему пора было уже неделю тому назад
вернуться в Гавр...

Бландине (*продолжая свою мысль*). ...Я бы этого
не одобрил...

Обертен. Но до сих пор о его прибытии не посту-
пило никаких сообщений...

Бландине. Значит, твой корабль запаздывает.

Обертен. Если бы только это. Два месяца тому

назад меня оповестили, что ему удалось прорвать блокаду... но в открытом море его могли встретить американские крейсера.

Бландине. Ах, черт побери.

Обертен. Великолепное судно... до отказа груженное хлопком... А по нынешним дням хлопок — это золото.

Бландине. Ты застраховал свой товар?

Обертен. Вот в том-то дело, что нет! Ни одно страховое общество не хотело гарантировать меня от военного риска... В расчете на продажу товаров я взял на себя обязательства... Срок очень жесткий... и если послезавтра в полдень у меня не будет денег... то придется прекратить платежи.

Бландине. Ах, боже мой, бедный друг!.. И сколько... сколько же тебе требуется?

Обертен. Мне потребуется огромная сумма...

Бландине. Огромная?

Обертен. Я все пустил в ход... но мне недостает еще пятидесяти тысяч франков.

Бландине. Ах, благодарю... ты меня перепугал.

Обертен. Чем же?

Бландине. Я боялся, что не сумею дать тебе займы.

Обертен. Как! Ты?

Бландине. Ей-богу.

Обертен. Что ты, нет-нет. Этого я не могу!

Бландине. Почему?

Обертен. Да потому, что... если мое судно не придет, то я не уверен в том, смогу ли возратить тебе эти деньги.

Бландине. Нечего сказать, велика была бы моя заслуга, если бы ты твердо знал, что непременно мне их вернешь. Это равносильно тому, что одалживать деньги французскому банку.

Обертен. Но...

Бландине. Послушай, дружище... Гюстав!.. Не надо ребячиться!..

Обертен (улыбаясь). Гюстав!

Бландине. Так я называл тебя прежде, еще в пансионе. Помнишь? Старая, мы теряем наши имена... боимся быть смешными... Но, когда остаешься с глазу на

глаз... без свидетелей... со старым товарищем, до чего хорошо называть друг друга так, как прежде. Скажи же... Здесь никого нет... Называй меня Эдмоном!.. Мне это будет приятно...

Обертен (бросясь ему на шею). Эдмон!

Обнимаются.

Бландине. Ах! Я словно помолодел.

Обертен. Ты настоящий друг!

Бландине. Да не болтай глупостей, Гюстав! Я проверю свой бумажник... и послезавтра, в полдень, твои дела устроятся. Ну, а хлопок прибудет... Он пройдет под самым носом у американцев! Мы еще не то сделаем под самым их носом. (Уходит в дверь налево.)

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Обертен, затем Леонс.

Обертен (один). Ну что за славный человек! Вот что значит старая дружба!.. Что может быть на свете прочнее!.. Схожу-ка я опять на телеграф... может быть, мне сообщат что-нибудь новенькое. (Уходит.)

Леонс (входя). Вы уходите, господин Обертен?..

Обертен. Да... прогуляться... я вернусь за дочерью.

Леонс. Дело в том, что... я хотел с вами поговорить.

Обертен. Со мной? Слушаю тебя, мой мальчик.

Леонс. То, что я должен вам сказать, — очень серьезно.

Обертен. Не важно. Лишь бы это было покороче.

Леонс. О-о! Очень кратко.

Обертен. Говори!

Леонс. Господин Обертен, я люблю мадемуазель Лору.

Обертен. Ах! Черт возьми! Действительно, уж короче нельзя.

Леонс. Я надеюсь со временем добиться взаимности.

И моя самая заветная мечта заключается в том, чтобы мадемуазель Лора стала моей женой...

Обертен. Дорогой мой Леонс, мой ответ будет таким же ясным, как и твоя просьба... Ты славный и честный парень! Я тебя люблю... ты похож на своего отца... и я был бы счастлив... даже... очень счастлив, если бы ты стал моим зятем...

Леонс (*радостно*). Ах, сударь!

Обертен. Однако обстоятельства... которых я не могу тебе открыть... не позволяют мне дать тебе окончательный ответ раньше, чем через неделю...

Леонс. Я подожду, господин Обертен...

Обертен. Жди... и поступай, как я... надейся!

Леонс. О да! Я надеюсь!

Обертен (*в сторону*). А я тем временем либо разбогатею, либо разорюсь. (*Громко.*) Надейся!

Леонс. Как вы добры!

Обертен уходит, Леонс провожает его. Возвращаясь, он замечает входящую Лору и закрывает дверь в глубине.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Леонс, Лора, затем Франсуа, Бландине.

Лора входит, садится, вышивая саше, которое было в руках Генриетты в начале акта.

Леонс (*замечая ее*). Как, вы трудитесь над этой сумочкой?

Лора. Приходится... утром вы помешали мадам Бландине закончить...

Леонс. Ах!.. Она передала вам наш разговор?

Лора. Подайте мне шелк, прошу вас.

Леонс. Сейчас, мадемуазель Лора... (*Ищет шелк в корзинке, стоящей на круглом столике.*)

Лора. Я думала, что застаю здесь отца...

Леонс. Мы только что расстались... но он скоро вернется... у меня состоялся с ним разговор...

Лора (*с интересом*). А-а! Разговор... о чем?

Леонс (*умышленно*). Шелк, мадемуазель?.. Вот! (*Подает нитки.*)

Лора. Да нет же!.. Я вас не просила.

Леонс (*идет к круглому столику*). Простите... мне показалось. (*После паузы.*) Славная сегодня погода...

Лора. Очаровательная. (*Садится.*)

Леонс. Небо такое чистое!..

Лора. Послушайте, не дразните меня!.. Что вы сказали моему отцу?

Леонс. Я ему говорил об одной девушке...

Лора. А-а!

Леонс (*поспешно*). ... с которой вы незнакомы... о девушке, которую я люблю... и на которой хотел бы жениться.

Лора. И... что ответил папа?..

Леонс. Сказал, чтобы я надеялся... (*Встает и подходит к ней.*)

Лора (*весело, вставая*). А-а! (*Меняя тон.*) Впрочем, раз я с нею незнакома!

Франсуа (*входя, про себя*). Вот я и готов!.. (*Замечив Лору и Леонса.*) О-о!.. Я не помешаю?

Леонс. Нисколько... Дядя, разрешите вам представить мадемуазель Лору Обертен. (*Подводит Франсуа к Лоре.*)

Франсуа (*здороваясь*). Мне случалось вести дела с вашим отцом, мадемуазель... Он работяга... Я вижу, что вы пошли в него... и правильно делаете... Я лично уважаю трудолюбивых людей.

Леонс (*в сторону*). Это камешек в мой огород!

Франсуа. Какая милая вещичка!.. Что это такое?

Лора. Это саше. Я это делаю для благотворительной лотереи... билеты на которую я распределяю...

Франсуа (*в сторону*). Ай! Попался!

Лора. Собранные средства пойдут на бедных сироток...

Франсуа (*в сторону*). Знаем мы это!

Лора (*извлекая билеты из кармана*). Сколько билетов вам угодно?

Леонс. Ну же, дядя!

Франсуа. О! Я много раз принимал участие в подобных затеях... а выиграл только раз... пару шлепанцев... да и то на дамскую ногу!

Лора. Вы увидите, что я принесу вам счастье...

Франсуа. Ну что же, у вас найдется билетов на двадцать франков? В таком случае дайте-ка мне. (В сторону.) Когда сделал дельце с отцом... (Дает Лоре деньги.)

Лора вручает ему билеты.

Бландине (входит, что-то подсчитывая в своей записной книжке). Тридцать одна тысяча... и двадцать пять акций Лионского банка по тысяче сорок... Я придумал, как поступить! (Увидев Леонса.) А-а! Леонс!

Леонс. Папа?

Бландине. Бери шляпу и беги к моему биржевому маклеру Дюранде... Скажешь ему, чтобы он продал двадцать пять лионских акций.

Леонс. Хорошо, папа...

Бландине. Если ты немного поторопишься, то успеешь до закрытия биржи.

Леонс. Я возьму коляску... Дядя... мадемуазель... (Уходит.)

Лора провожает его, затем возвращается, садится у круглого столика и продолжает вышивать.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Бландине, Франсуа, Лора.

Франсуа. Значит, ты продаешь акции Лионского банка? Неужели ты полагаешь, что наступит снижение курса?

Бландине. Я? Нет... но мне нужны пятьдесят тысяч франков.

Франсуа. А-а!

Бландине. Я обещал дать другу взаймы.

Франсуа. Как ты сказал?

Бландине. Старому товарищу...

Франсуа. Это невозможно. Ты с ума сошел!

Бландине. Почему?

Франсуа. Пятьдесят тысяч франков! Да кто же этот друг?

Б л а н д и н е. Видишь ли, это... (Увидев Лору.) Нет, я не могу его назвать.

Ф р а н с у а. Какой-нибудь интриган или мошенник!

Б л а н д и н е. Франсуа! Послушай... замолчи!

Ф р а н с у а. Дает ли он тебе по крайней мере какую-нибудь гарантию?

Б л а н д и н е. Я сказал тебе, что это мой старый друг...

Ф р а н с у а. Право, ты меня бесишь со своим другом!

Б л а н д и н е. Если бы ты знал, в каком положении он находится...

Ф р а н с у а. Зачем мне это знать?.. Я себе и так все хорошо представляю... Явился, наговорил тебе глупых небылиц... разыграл отрывок из ничем не прикрытой мелодрамы... И ты все это принял за чистую монету! Простофиля и только.

Б л а н д и н е. Будет тебе!

Ф р а н с у а. Совершенный простофиля! Веришь всему подряд! Развесил уши! Дашь себя обирать куче попрошайек!

Б л а н д и н е. Я никому не даю себя обирать... и, когда необходимо, я так же непреклонен, как и ты... Не ранее как сегодня утром я задал жару своему квартиранту!..

Ф р а н с у а. Да, точно так, как ты задавал жару рабочим, когда мы с тобой были компаньонами в Эльбёфе.

Б л а н д и н е. И все же... мне кажется...

Ф р а н с у а. Я отдал под твое наблюдение цех, где работали дети... поскольку ими было легче всего управлять...

Б л а н д и н е. Ну что ж ты хочешь! Мне было так горько видеть, как эти маленькие труженики работали по десять часов в день, разматывая пряжу со шпудек...

Ф р а н с у а. И ты им внушал: «Отдохните, дети мои, не надо так напрягаться, здоровье важнее всего!»

Б л а н д и н е. Возможно... Но я умел добиваться, чтобы меня слушались.

Ф р а н с у а. Еще бы! Тебя до того слушались... что мы ежедневно несли двести франков убытка!

Б л а н д и н е. Ты преувеличиваешь...

Франсуа. Я был вынужден отослать тебя в Париж... тебя и твое доброе сердце!

Бландине. Что бы ты там ни говорил... Рабочие Эльбёфа любили меня.

Франсуа. Да... Как осел любит свою подстилку.

Бландине. Осел!.. Франсуа!..

Франсуа. А возвратившись в Париж... мсье рассердился по пустякам! Мсье отказался быть моим компаньоном!

Бландине. Вовсе нет! Я не рассердился! Просто я поразмыслил, заглянул в свою душу... и признал, что не по мне жиреть за счет пота других.

Франсуа. Ах, как мило! Теперь ты говоришь красивые фразы, как всякий, кто отстраняется от дел! Ну что ж, а я — я продолжаю жиреть один... и, вместо того чтобы прозябать, как ты, на жалких двадцать пять тысяч ливров ренты...

Бландине. Я нахожу, что этих денег достаточно...

Франсуа. Да, ты далеко пойдешь... при таком мягком, как воск, сердце!

Бландине. У каждого свой вкус... Но я обедаю без удовольствия, если знаю, что рядом со мною голодные!

Франсуа. Ну полноте! Разве кто-нибудь голоден? Кому это хочется есть?

Бландине. Тому, кому нечего есть! Еще вчера... не раньше не позднее как вчера... вам-то в Эльбёфе об этом неизвестно... я повстречал на улице Тревиз бедняка, который не ел пять суток...

Франсуа. Это он тебе сказал?

Бландине. Это он мне сказал... вернее, признался помимо собственного желания.

Франсуа. И ты ему подал?

Бландине. Допустим!..

Франсуа. Ну что ж, тебя провели еще раз... прежде всего человек не может прожить пять суток без пищи...

Бландине. Как ты можешь знать? Сам пробовал, что ли?

Франсуа. Нет.

Бландине. Тогда попробуй!

Франсуа. Вот купил бы ты своему дружку фунт хлеба — и убедился бы!

Бландине. В чем?

Франсуа. В том, что он бы тебя послал подальше... Знаем мы таких!

Бландине. О да! Ты-то знаешь поголовно всех!.. Он воображает, что этими словами все сказано... Разве можно другу, старому другу, с которым дружишь сорок лет, поведавшему вам свои горести, разве можно ему не протянуть руки помощи и ответить: «Знаем мы таких!» Или какой-нибудь несчастный обращается к вам на улице за помощью, а вы отвечаете: «Знаем мы таких!» Наконец, у тебя один-единственный ребенок... сын... И когда бедняжка — униженный, обтрепанный, быть может, изголодавшийся, — подчиняясь сыновнему инстинкту, обращается к отцу, ему пишут в ответ: «Знаю я таких!» И на его счет кладут двадцать сантимов!.. Это недорого... но это мерзко, это отвратительно. В конце концов, ты внушаешь мне мысль, что мой брат просто-напросто...

Франсуа. Кто? Ну скажи!

Бландине. Нет!.. Я не могу произнести этого слова, потому что тебе будет неприятно...

Франсуа. Ты кончил?

Бландине. Да.

Франсуа. Тогда пойдем пообедаем... У Бребана. Я пойду расцелую твою жену и скажу ей, что ты едешь со мной.

Бландине. Я не прочь пойти к Бребану... потому что там вкусно кормят... но...

Франсуа. О-о! Не будем зря спорить!.. По-моему, все люди делятся на две категории: одних можно провести, других нельзя... Мы с тобой принадлежим к разным категориям. Только и всего!

Бландине. Я горжусь этим!

Франсуа. Напрасно я все это тебе говорил. Со своими громкими фразами да преувеличенной чувствительностью ты всегда будешь ходить в дураках. *(Уходит в дверь направо.)*

Бландине, Лора, затем Франсуа.

Бландине. В дураках!

Лора (подходя к нему). Вот я, я скажу вам, что вы добрый человек... и навсегда таким останетесь. (Бросаясь к нему в объятия.) Ну обнимите же меня.

Бландине (обнимая ее). Милочка!.. Ты слыхала?..

Лора. Да... Продолжайте верить в добро... продолжайте делать добро... Будьте с теми, кого обманывают. Это хорошо, что бы там ни говорили...

Бландине. Отлично!

Лора. К чему вам благодарность?.. Доброе дело — невыгодное размещение капитала...

Бландине. Еще бы! (В сторону.) Я огорчен из-за того, что Франсуа ушел...

Лора. Вот я, например... я кормлю всех птичек своего квартала.

Бландине. Неужели?

Лора. Да... каждое утро я посыпаю им на своем балконе крошки... Зимой тщательно отгребаю снег, чтобы они не зябли... летом развожу цветы, которые защищают их от солнца... И что же вы думаете, они за это признательны?.. Ничуть! Стоит мне только открыть окно, как неблагодарные улетают... а некоторые даже клюют меня...

Бландине (возмущенно). А-а!

Лора. Но я не требую от них благодарности... Они не обязаны мне ее воздавать... Это божьи создания, которые проголодались, и я так счастлива, что могу их покормить... У вас свои птички... каждому свое...

Бландине. Ах! Ангел мой!.. Дай-ка мне еще тебя обнять. (Обнимает ее и вытирает слезы.)

Франсуа (входя. В сторону). Теперь он плачет! (Громко кашляя.) Гм!

Лора (увидев его). О! Прощайте, господин Бландине. Продолжайте любить птичек... продолжайте! продолжайте! (Выходит в дверь налево.)

Ф р а н с у а. Ну идемте к столу... Кстати! Вот письмо, которое просила передать тебе твоя жена...

Б л а н д и н е. Письмо! *(Вскрывает его.)* Ах, боже мой! Несчастные!

Ф р а н с у а. Что еще такое?

Б л а н д и н е. Ах! Ты сказал, что от голода не умирают... послушай. *(Читает.)* «Обращаюсь к вам, так как знаю, какое у вас доброе сердце...».

Ф р а н с у а *(в сторону)*. Подвох!

Б л а н д и н е *(читает)*. «Я без работы...».

Ф р а н с у а *(в сторону)*. Лодырь!

Б л а н д и н е *(читает)*. «У меня слепой отец, мать разбита параличом, и к тому же в люльке трое детей, которые просят хлеба».

Ф р а н с у а *(в сторону)*. В люльке... раненько они начинают говорить!

Б л а н д и н е *(читает)*. «Неужели вы, с вашей щедрой душой, не поможете нашей беде? Симоно, улица Контра Сосьяль¹, пятнадцать бис, седьмой этаж, и по деревянной приставной лестнице направо»... *(Взволнованно.)* К ним надо взбираться по приставной лестнице!

Ф р а н с у а *(иронизируя)*. Слепому отцу! Это не легко.

Б л а н д и н е *(простодушно)*. А подумайте о парализованной матери... *(Читает.)* Приписка: «Оставьте ответ у привратника». *(Доставая кошелек.)* Бедные люди!

Ф р а н с у а. Как? Ты в это поверил?

Б л а н д и н е. О-о! Подобные вещи не сочиняются! Слепой отец... лестница... парализованная мать. К тому же — это мои птички... у каждого свои птички!

Ф р а н с у а. Что ты там лопочешь?

Б л а н д и н е. Верно... тебя не было... Неужели ты думаешь, что сорок франков?..

Ф р а н с у а. Оставь меня в покое!.. Знаешь, бьюсь с тобой об заклад!..

Б л а н д и н е. Об заклад?

¹ Улица Общественного договора.

Франсуа. Что в этом письме нет ни слова правды!

Бландине. Полноте! Ну ладно, согласен! Хочется тебя убедить хоть раз в жизни... На что мы спорим?

Франсуа. На наш обед у Бребана. А сейчас садитесь за стол!

Бландине. Ну, нет! Нет, я не могу обедать, пока не отвечу на это письмо. Сначала пойдем повидать этих бедных людей!

Франсуа. Пусть будет по-твоему! Пошли! Только платить будешь ты! Лестница на седьмой этаж... Мне это кажется подозрительным!

Бландине (*в сторону*). Несчастный! Он даже не верит в то, что существуют мансарды!

Выходят под опускающийся

занавес

А К Т В Т О Р О Й

Столовая. Дверь в глубине сцены, двери слева и справа; на первом и втором плане буфет, шкаф; справа — стол.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Жозеф, Прюданс, Генриетта,
затем Тибюрс.

Прюданс (*вытирая пыль*). Странно все же, что хозяин до сих пор спит.

Жозеф. И брат его тоже... Похоже, что они вчера славно пообедали.

Генриетта (*появляясь в выходном костюме из двери слева*). Как! Одиннадцать часов, а у вас еще не прибрано?

Прюданс. Прибрано, мадам.

Жозеф. Мы опасались, как бы не разбудить мсье...

Генриетта. Он еще спит?.. Разве он нездоров?

Жозеф. О-о, нет, сударыня... но они поздно вернулись домой и потом еще долго прохаживались по комнате.

Генриетта. Он выпил кофе... это подействовало на него возбуждающе... Передадите ему, что я ушла, я иду в купальни...

Жозеф. Хоршо, мадам. (*Уходит вместе с Прюданс.*)

Генриетта (*поправляя прическу*). Ну что ж... надо торопиться...

Тибюрс (*появляясь в глубине*). Благодарю! Я подожду его!

Генриетта (*оборачиваясь*). Гм? (*Берет муфту, которую, войдя, положила на стул.*)

Тибюрс. Ах! Тетя... я не спрашиваю, как вы себя чувствуете... сегодня у вас замечательный цвет лица.

Генриетта холодно кланяется ему и выходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Тибюрс, затем Леонс.

Тибюрс (один). Она продолжает сердиться. Моя тетушка мила, но страшно обидчива...

Леонс (входит из левой двери на втором плане; он в шляпе). Ах, это ты!

Тибюрс. Здравствуй, Леонс... я поджидаю папу...

Леонс. Он еще не вставал.

Тибюрс. Знаю... Он вчера обедал с твоим отцом... Мне кажется, что они крепко поговорили с «вдовой Клико»...

Леонс. О чем ты говоришь?

Тибюрс. Так говорят в нашем квартале о тех, кто выпьет лишнее.

Леонс. Значит, ты всегда будешь беспутным?

Тибюрс. Отца здесь нет... и тем не менее сегодня утром я шутить не склонен.

Леонс. У тебя неприятности?..

Тибюрс. Пожалуй, да!.. Нет... но у меня двенадцать тысяч франков долгу.

Леонс. У тебя? Долги?..

Тибюрс. Еще бы! Вот уже два года, как папа перестал давать мне деньги... мне ничего не оставалось, как обратиться за кредитом. Сейчас мои кредиторы потеряли терпение.

Леонс. А именно?

Тибюрс. Они забрасывают меня бумажными квадратиками с изображениями в углу...

Леонс. Гербового знака?.. Тебя преследуют по суду?

Тибюрс. Во всяком случае, очень похоже на это... Не знаю, каким образом эти прохвосты пронюхали, что папа приехал в Париж... Они пользуются этим обстоятельством...

Леонс. Что ты намерен делать?

Тибюрс. Сам не знаю... посоветуй...

Леонс. У тебя нет иного выхода, как во всем признаться отцу...

Тибюрс. Нет... придумай что-нибудь другое...

Леонс. На твоём месте я поступил бы именно так...

Тибюрс. Да, но между твоим отцом и моим... большая разница. Твой отец — славный человек... касса, которая время от времени открывается... подобно всем кассам. А вот мой — литая копилка... и без дверцы... чтобы туда проникнуть, нужно ее расколоть.

Леонс. Вот уж нет! Ты заблуждаешься... у моего дяди несколько колючая внешность, но это превосходный человек, и он тебя глубоко любит...

Тибюрс. Да-да, слишком глубоко...

Леонс. Впрочем, что тебе еще остается?

Тибюрс. Это верно... Хорошо бы мне придумать веское оправдание... Скажи, ты не согласился бы помочь мне объясниться с ним?

Леонс. Уволь... подобные дела между отцом и сыном решаются без посредников. И потом я спешу.

Франсуа (за сценой). Жозеф, горячей воды!

Тибюрс. Это он!

Леонс. Ну вот! Я тебя покидаю, желаю успеха.
(Уходит в дверь направо.)

Тибюрс. Удирает, трус он этакий.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Тибюрс, Франсуа, затем Жозеф.

Франсуа (входит через дверь слева, в халате). Жозеф!.. Горячей воды... (Замечая Тибюрса.) Ах, это ты... что ты здесь делаешь?

Тибюрс. Я рано встал... и подумал: пойду поцелую папу...

Франсуа. И ради этого ты явился из Пантеона?

Тибюрс. Да... пешком!

Франсуа. Тем более я благодарен тебе, Тибюрс... но я не люблю, когда тратят время попусту из-за подобных глупостей.

Тибюрс (в сторону). До чего же любезен! (Громко.)

Я позабыл вам сказать, что у меня в этом квартале ученик.

Франсуа. А-а! Если ты пришел по делу... тогда другой разговор. Поцелуй меня.

Целуются.

Вчера у меня выдался прелестный вечерок. Я отчитал твоего дядю... он так и сел!

Тибюрс (стараясь рассмеяться). Ха-ха! Очень мило... очень мило.

Франсуа. Над чем ты смеешься?

Тибюрс. Над вашим выражением — сел... это очень остроумно!

Франсуа (сухо). Я не люблю угодников...

Тибюрс (в сторону, прекращая смех). В скверном настроении.

Франсуа. А что это за ученик, к которому ты направляешься?

Тибюрс. Ах, боже мой... ну, ученик... (В сторону, осененный мыслью.) Если бы мне удалось... (Громко.) Вернее, клиент, который пригласил меня проконсультировать его...

Франсуа. Платно?

Тибюрс. А как же!... Дело в следующем...

Франсуа. Сколько?

Тибюрс. Двадцать пять франков.

Франсуа. Недурно...

Тибюрс. Дело в следующем... Мой клиент — из состоятельной семьи... очаровательный молодой человек... приятный... честный... горячо любящий своего отца... О-о! Он очень любит своего отца... Но, к несчастью, он залез в долги...

Франсуа. Долги?

Тибюрс. О-о, незначительные... Двенадцать тысяч франков...

Франсуа. Двенадцать тысяч франков долга? (Горячась.) Передай от меня твоему клиенту, что он шалопаи!..

Тибюрс. Позвольте, его оправдывает то...

Франсуа. Какие тут оправдания?.. Молодой человек, имеющий отца... принадлежащий к почтенному семей-

ству... и погряз в долгах... Он не может быть никем иным, как шалопаем!

Тибюрс. Но...

Франсуа (*сердясь*). Послушай! Ты согласен с этим или нет?

Тибюрс. Да!.. Он... шалопай!

Франсуа. А-а!

Тибюрс (*в сторону*). Сегодня, видимо, не удастся поговорить с ним о моем деле.

Франсуа. Если бы с тобой стряслось подобное же несчастье...

Тибюрс. То...

Франсуа. Но я спокоен... ты не мот... а работяга... у тебя имеются сбережения!

Тибюрс. А-а! Сбережения!.. Небольшие сбережения!

Франсуа. Раз ты приобретаешь мебель... кстати, сегодня пойду на нее взглянуть!

Тибюрс. В каком часу?

Франсуа. К твоему завтраку...

Тибюрс. А-а!

Франсуа. Принимаю приглашение... Только никакого транжирства...

Тибюрс. Будьте покойны... (*В сторону.*) Он любит сабли и бараньи ножки... Он их у меня получит... это расположит его в мою пользу.

Франсуа. Я побреюсь... и буду у тебя через полчаса.

Тибюрс. Прощай, папа... (*В сторону.*) Признаюсь ему в своих долгах за десертом. (*Уходит через дверь в глубине сцены.*)

Входит Жозеф с чайником горячей воды.

Франсуа. Добрый мальчик! Я его так люблю... только не говорю ему об этом. — А-а! Жозеф.

Жозеф. Да, мсье...

Франсуа. Я завтракаю в городе... вы передадите...

Жозеф. Хорошо, мсье.

Жозеф провожает Франсуа, который выходит в комнату налево, на втором плане.

Бландине, затем Франсуа, затем Жозеф.

Некоторое время никого нет.

Бландине (выходит из своей комнаты из двери справа, на переднем плане, и медленно прохаживается). Я огорчен... спал дурно... Являемся мы на улицу Контра Сосьяль, пятнадцать бис... дрянная улица... дрянной дом... дрянные темные сени... Я волнуюсь... — Здесь проживает бедняга Симоно? — спрашиваю я у привратника... «Пятый этаж, дверь налево!»... Я удивился, в письме говорилось: «Седьмой этаж, по приставной лестнице направо». Ну, так и быть. Поднимаемся по лестнице... ключ торчит в двери... бесшумно поворачиваю его... с деликатностью милосердия, проникающего к нищете... и застаем... кого? Моего бывшего конюха... Вильямса! Того самого, которого жена моя... (слухавываясь) того, кого я безжалостно выгнал! Он сидел за столом вместе с английским грумом перед полдюжиной опорожненных бутылок... никакого тебе слепого отца... Признаюсь, что это меня несколько ошеломило... есть же люди, которые лишают вас радости творить добро! Мой брат Франсуа торжествовал, он сиял... Но что это доказывает?... Что я наткнулся на проходимца. Есть птички, которые клюются... Это еще не причина бросать на произвол судьбы всех остальных...

Франсуа (входит, он уже одет к выходу). Итак, господин филантроп?

Бландине. Что?

Франсуа (смеясь). Седьмой этаж... лестница направо...

Бландине. Прошу тебя, оставь меня в покое... За обед я уплатил... тебе не к чему придраться...

Франсуа. Обед был весьма недурен!

Бландине. Я думаю, сорок семь франков пятьдесят сантимов — вот счет. (Вытаскивает счет из жилета.) Суп а ля рен — два франка; креветки — три франка.

Франсуа. Что это еще за креветки?.. Я не ел креветок!..

Бландине. А? Разве?.. Я тоже не ел...

Франсуа. Нам их даже и не подавали. Проворно обделывают свои делишки эти содержатели ресторанов!..

Б л а н д и н е. Как? Неужели ты полагаешь?.. Рядом с нами сидел господин, который ел креветки... тут вышло недоразумение — вот и все!

Ф р а н с у а. Возможно! Но, будь я на твоём месте, прежде чем платить, я проверил бы счет. (Указывая на сахарницу и графинчик с водкой, стоящие на буфете.) Больше того, я держал бы под замком сахар и водку... это такие продукты, которые легко испаряются.

Б л а н д и н е. Подумайте, теперь он начнет подозревать Жозефа, славного малого, который служит у меня уже десять лет.

Ф р а н с у а. Друг мой, я отношусь к тем, кого не обманывают... Прощай, я завтракаю у сына. (Уходит.)

Б л а н д и н е (один). Жозеф... он малый надежный... я ему доверил бы. (Машинально подходит к сахарнице, пересчитывает в ней кусочки.) Четыре, шесть, семь, восемь... и один маленький... Я съедаю маленький... это могло бы меня сбить со счета. (Грызет сахар.) Теперь водку... (Взвешивает на руке графинчик.) Не потому, что я не доверяю... А для того чтобы пристыдить брата!.. Как бы отметить?.. А-а, с помощью платка. (Отмеривая.) Я веду себя действительно постыдно! Вот здесь завяжу узелок. (Завязывает узелок на носовом платке.)

Входит Мизабран с парой сапог.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Б л а н д и н е, Мизабран, затем Жозеф и второй сапожник.

Б л а н д и н е. Ба! Вы опять здесь!

Мизабран. Я принес ваши сапоги, сударь!

Б л а н д и н е. Тсс! Если жена услышит ваш голос...

Ж о з е ф (только что вошедший). Мадам ушла из дому больше часу тому назад... она пошла в купальни...

Мизабран. Взгляните-ка. (Подает ему один сапог, рядом ставит другой.)

Б л а н д и н е (принимая у него сапог). Недурно, Мизабран. Ну, а качество?

Мизабран. Ах, сударь... убедитесь сами... отменного качества.

Бландине (*в сторону*). У него приличная физиономия... приятно смотреть.

Мизабран. Они хромовой кожи... полученной из Бордо.

Бландине. Да, они, кажется, выглядят недурно. (*Замечая входящего второго сапожника.*) Еще один сапожник! Что сегодня — приемный день для сапожников?

Жозеф (*второму сапожнику, направляющемуся к двери слева*). Господин Леонс не замедлит вернуться... Если вам угодно подождать...

Второй сапожник ставит ботинки на стул.

Бландине. А-а! Сапожник моего сына! И у этого хорошая внешность. (*Берет ботинки.*) Чудесные ботинки...

Второй сапожник (*говорит с немецким акцентом*). Я прошу вас, мсье, проверить качество... Это же хром... бордоский... (*Указывая на сапог, который держит Бландине.*) А вот это — коровья кожа.

Бландине (*удивленно*). Как! Мои сапоги?..

Второй сапожник. Достаточно сравнить...

Бландине (*второму сапожнику*). Позвольте... (*Подходя и показывая ему ботинки.*) Что это за кожа, Мизабран?

Мизабран. Это — коровья. (*Указывая на сапоги.*) А вот — хром.

Бландине. А-а... Благодарю. (*В сторону.*) Один из них — мошеник... если не оба. (*Громко.*) Ладно, господа... вам дадут знать... (*Мизабрану, уносящему сапог с собой.*) Погодите, дайте мне второй.

Мизабран (*извиняясь*). Ах, простите, это по рассеянности. Кланяйтесь вашей супруге.

Оба сапожника выходят. Бландине остается озадаченный и, держа в одной руке ботинок, а в другой — сапоги, подходит к рампе.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Бландине, затем Леонс.

Бландине (*один*). Сегодня сплошное невезение!.. Это пустяк... а вот меня задевает... Придется, значит, отказаться и от веры в сапожников... в содержателей рестора-

нов я уже больше не верю... (Освобождается от обуви, которую ставит на стул слева.) И жена моя не возвращается... (Взглянув на часы, подозрительно.) Купаться целых два часа — это уж слишком... Нужно признаться, что я порядочная размазня... Предоставляю Генриетте приходиться, уходить, возвращаться, когда ей только угодно... Женщине, которая моложе меня... намного моложе... и хороша собой... кокетлива... по-видимому... потому что я лично этого никогда не замечал... но она покупает бриллианты, кружева... чтобы нравиться... Кому? Ладно, вот я уже и жену подозреваю. Это все скотина Франсуа вбивает мне подобные мысли в голову!

Леонс (входя из глубины). Я только что был у биржевого маклера... вот деньги за двадцать пять акций Лионского банка. (Передает бумажник Бландине.)

Бландине. Спасибо. (Кладет бумажник в карман сюртука и машинально застегивает его.) Друг мой, мне нужно поговорить с тобой.

Леонс. Мне тоже, папа.

Бландине (берет ботинок и подходит к сыну). Позволь сначала мне... Леонс, тебе неизвестно одно обстоятельство... Твой сапожник тебя обкрадывает... и мой то же самое... Эти господа снабжают нас обувью из коровьей кожи...

Леонс (безразлично). Неужели?

Бландине. Я в этом уверен. Ты относишься ко всему доверчиво... Напрасно... Людям подобного рода доверять нельзя... совершенно так же, как и содержателям ресторанов... А не то они засчитывают тебе креветки... понимаешь... ты креветок не ел... а они заставляют тебя оплачивать их по три франка!

Леонс. Что за вздор вы мне рассказываете?..

Бландине. Я тебя предостерегаю... ты молод... ты еще сможешь привыкнуть к тому, чтобы относиться к людям с подозрительностью... а вот я... Ну ладно, а что ты хотел мне сказать? (Подает ему ботинок и садится к столу.)

Леонс (кладет ботинок на стул, возвращается и садится по другую сторону стола). Речь идет о моих планах... я говорил уже о них с мамой.

Бландине. Твоя мама... (В сторону, глядя на часы.)
Два с половиной часа на купание! Довольно странно!

Леонс. Я люблю мадемуазель Обертен!

Бландине. Лору?.. Она очаровательна... она разводит птичек.

Леонс. Моей мечтой было бы жениться на ней.

Бландине. Конечно, друг мой! Если она тебе по душе...

Леонс. Вчера я замолвил словечко ее отцу... он ответил, что я могу надеяться...

Бландине. Как, ее отец?.. Это невозможно!

Леонс. Что невозможно?

Бландине. В его положении...

Леонс. Но мне кажется, что положение господина Обертена...

Бландине. Обертен! Он разорился... (Встает.)

Леонс (тоже встает). Как так?

Бландине. Мне кое-что об этом известно... я должен сдолжить ему завтра утром пятьдесят тысяч франков.

Леонс. Должно быть, это временное затруднение...

Бландине. Безусловно... Обертен вне подозрений... он мой друг... но за тобой недурное приданое... и ты подаешь надежды!.. Так что можно было бы подумать... Франсуа не упустил бы случая подумать... Возможно, господин Обертен играет на твоей любви к его дочери.

Леонс (возмущенно). Но, папа!..

Бландине. Это не мои слова... Это говорит Франсуа... девушка хороша собой, и он пользуется этим как приманкой...

Леонс. Неужели это вы, — такой добрый, такой отзывчивый?

Бландине. Друг мой... я знаю, что такое люди... со вчерашнего вечера...

Леонс. Неужели вы можете так говорить о старом друге?

Бландине. Это не я... это Франсуа...

Леонс. По правде говоря, вы меня огорчаете, отец...

Бландине. Но чего ты от меня хочешь? Это Франсуа...

Леонс. Приписывать подобные чувства семейству, любить и уважать которое вы учили меня с детства...

Бландине. Повторяю тебе...

Леонс (*уходя в дверь налево, на переднем плане*).
Ах, полно, я вас больше не узнаю...

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Бландине, затем Жозеф.

Бландине (*возвращаясь*). Ну что ж, действительно, он прав!.. но я здесь ни при чем... Сапожник... кровати... и жена, которая не возвращается домой... (*Смотрит на часы*.) Трехчасовое купание!.. (*Надевает шляпу*.) Это невероятно! Здесь что-то кроется. (*Зовет*.) Жозеф! Жозеф! Шляпу...

Жозеф (*входя*). Она у вас на голове.

Бландине. Как! Что?.. А-а, верно, я бегу в купальни. (*Надвигая шляпу*.) Тут что-то не так. (*Уходит*.)

Раздается звонок.

Жозеф. Это вызывает мадам... я позабыл сказать хозяину, что мадам вернулись домой уже два часа тому назад... (*Выходит в дверь слева*.)

В тот же момент в глубине сцены появляются Тибюрс
и Франсуа.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Франсуа, Тибюрс.

Франсуа (*дружески опирается на руку Тибюрса. Оба в возбужденном состоянии*). Вот это я называю славно позавтракать: устрицы, сабли, бараньи ножки... Ты недурно полотчевал своего папу... поцелуй меня, сынок!

Тибюрс. А как же! (*В сторону, после поцелуя*.) Наверно, он немного побеседовал с сабли.

Франсуа. Ты угостил меня завтраком... Теперь мой черед, плачу за кофе.

Тибюрс (*в сторону*). Мы только что пили его!

Франсуа. Я охотно пригласил бы тебя отобедать... но мне не хочется есть...

Т и б ю р с. Мне тоже... мне хочется пить.

Ф р а н с у а. Ах, Тибюрс... ты, чего доброго, воображаешь, что я тебя не люблю... потому что суров с тобой... потому что не высылаю тебе денег... Но это для твоего же блага... мне это очень больно, и частенько, если бы только я внял своему сердцу...

Т и б ю р с. О-о! Внемлите себе, папа!

Ф р а н с у а (умиленно). Нет! Нужно, чтобы ты трудился, выбиваясь из сил, чтобы ты познал трудности, работал... Видишь ли... каждый человек, чем-либо отличившийся в жизни, хоть немного да вкусил голод и холод...

Т и б ю р с (возражая). Тем не менее...

Ф р а н с у а. Хоть немного... а то и порядочно! Но будь покоен! Когда ты достигнешь известности... разбогатеешь... я тебе больше ни в чем отказывать не стану!

Т и б ю р с. До чего же вы добры!

Ф р а н с у а (растроганно). Ах, Тибюрс! Ты, верно, думаешь, что я не люблю тебя... Да ты для меня все... и если я еще тружусь... если я изнуряю себя, вырабатывая сукна... если я устанавливаю пятнадцать новых ткацких станков...

Т и б ю р с. Это для того, чтобы побить англичан.

Ф р а н с у а. Это для тебя... и чтобы досадить англичанам. (Горячо.) Ну-ка! Обними меня!

Т и б ю р с. С удовольствием, папа.

Обнимаются.

(В сторону.) Пожалуй, сейчас подходящий момент, чтобы признаться ему в двенадцати тысячах франков. (Громко.) Папа, чего бы это мне ни стоило...

Ф р а н с у а (перебивая его). Я осмотрел твою мебель... Она мила. Но у тебя слишком много комодов...

Т и б ю р с. Всего три...

Ф р а н с у а. Это слишком много.

Т и б ю р с. Видите ли... чистая случайность... Меня соблазнила дешевизна этого комплекта комодов.

Ф р а н с у а (глядя на него, но не слушая). Ах, какой он милый, мой Тибюрс... Какой красивый! Знаешь, уже два года я ничего тебе не дарил... я подарю тебе кое-что...

Т и б ю р с (пораженный). Мне?

Франсуа. Я подарю тебе свою булавку с бриллиантом. *(Отстегивает ее от сорочки.)*

Тибюрс. О-о! Папа!

Франсуа *(прикалывая ему булавку)*. Только не потеряй... Она стоит тысячу двести франков... подумай, я ее ношу вот уже тридцать лет... и, если бы она по несчастью откололась, я бы никогда не смог утешиться... *(Внезапно.)* Ну-ка, верни мне ее!

Тибюрс *(отступая)*. Ах, нет!

Франсуа. Тогда не шевелись так... достаточно одного движения... *(В сторону.)* Напрасно я дал ему эту булавку... он слишком молод.

Тибюрс *(в сторону)*. Все-таки надо подойти к делу... *(Громко.)* Папа... мой добрый папа...

Франсуа. Ах! Как у меня разболелась голова!..

Тибюрс. Это пройдет... я хотел с вами поговорить об этом несчастном молодом человеке... моем клиенте... у которого двенадцать тысяч франков долга...

Франсуа. Он негодяй... и, будь я его отцом, я бы отослал его... в Африку!

Тибюрс *(в сторону)*. Вот тебе и на!

Франсуа. Боже мой! Какая страшная головная боль... пойду вздремну немножко...

Тибюрс. Но, папа...

Франсуа. Встретимся в шесть часов в кафе Ламблен.

Тибюрс. Оно закрылось!

Франсуа. Тогда у входа... Прощай... Береги булавку... *(В сторону.)* Напрасно я ему дал эту булавку... Я ее отниму у него... В шесть часов в кафе Ламблен. *(Уходит в свою комнату.)*

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Тибюрс, затем Жозеф.

Тибюрс *(один)*. Никакой возможности! Хотел поговорить с ним за завтраком, но он был недостаточно... подготовлен. С другой стороны, меня повсюду преследует эта мысль... если бы я мог... *(Останавливаясь.)* Хочется пить! *(Заметив сахарницу и графинчик)*. Кстати, приготовлюка я себе грог. *(Подходит к буфету и готовит грог.)* Вот

это да! Мне пришла в голову другая мысль... напишу-ка я судебному исполнителю... Жозеф!

Жозеф (появляясь). Мсье?

Тибюрс. Подайте перо... чернила.

Жозеф (указывая на стол). Вот все, что вам требуется для письма. (В сторону, видя, как он размещивает трог.) Хозяйничает как у себя дома. (Уходит в дверь направо.)

Тибюрс (один, пишет). «Мсье... необходимо, чтобы правосудию был дан ход... Мой отец находится в Париже, задержите меня в его присутствии... мы будем прогуливаться сегодня в шесть часов вечера у входа в бывшее кафе Ламблен». Вот! (Выпивает трог.) Тем самым папе станет все известно... Мне не придется ничего объяснять, и он уплатит. (Размышляя.) Уплатит! А что если он даст запереть меня на пару месяцев в Клиши. Мне понадобится немного денег на мелкие расходы... (Опустошая карманы.) Одиннадцать франков! Ах! До чего же я недогадлив! Дядя Бландине! Я одолжу у него двадцать луидоров. Но прежде распорядимся, чтобы мое письмо отнесли. (Уходит в дверь направо, на втором плане.)

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Генриетта, ватем Бландине.

Генриетта (выходя из своей комнаты). Прюданс, я позабыла в купальне свою муфточку.

Бландине (появляясь в глубине сцены; он очень бледен и взволнован, держит в руке муфточку). Наконец! Вот и вы, сударыня.

Генриетта (замечая его). Ах, боже мой... Что с тобой, друг мой?

Бландине. Я сейчас из купален, сударыня... и мне ответили, что вы ушли оттуда два часа тому назад.

Генриетта (удивленно). Конечно...

Бландине. Что вы делали эти два часа?

Генриетта. Но я пришла...

Бландине. Куда?

Генриетта. Сюда.

Бландине. Я вас не видел.

Генриетта. Я была у себя в комнате... Подрубала ваши галстуки.

Бландине. А-а, знаем мы это!

Генриетта. Как вы сказали?

Бландине. Возьмите свою муфточку... свою сообщницу...

Генриетта. Что? *(Кладет муфточку на стул слева, где лежат ботинки и сапоги.)*

Бландине. О-о! Теперь мне все стало ясно: эти частые и продолжительные отлучки из дому... Эти невероятно затянутые купания...

Генриетта. Что вы хотите сказать?

Бландине. Мадам, вы завели любовную связь... Невозможно, чтобы у вас не было связи.

Генриетта. Ах, вот в чем дело! Ты с ума сошел!

Бландине. Обсудим! Вы молоды? Да... Хороши собой? Да... Кокетливы? Да.

Генриетта. Нет.

Бландине. Все женщины кокетки... и вы хотите, чтобы я поверил, будто в течение шести лет нашей супружеской жизни за вами ни разу не ухаживали?.. Да полноте! Это было бы позорно!

Генриетта *(смуглившийся)*. Но...

Бландине. Вы колеблетесь... Это признание... Его письма, мадам, я требую у вас его письма.

Генриетта. Письма? Прошу вас, поверьте, что он мне ни разу не писал.

Бландине *(отчеканивая)*. Он... существует какой-то «он». Я так и знал.

Генриетта *(в сторону)*. Я оплошала!

Бландине. Его имя, сударыня... имя несчастного!

Генриетта. Вы хотите его знать?

Бландине. Конечно!

Генриетта. Ну что ж! Это Тибюрс, ваш племянник!

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Те же, Тибюрс.

Бландине. Гм! Тибюрс?

Тибюрс *(входя справа)*. Я здесь.

Генриетта. Ах! *(Уходит в свою комнату.)*

Б л а н д и н е (в сторону). Он!

Т и б ю р с. Здравствуйте, дядя. (В сторону.) Похоже, что он в хорошем расположении духа... Мне легко будет выманить у него двадцать луидоров! (Громко.) Дядя, мне нужно вам кое в чем признаться.

Б л а н д и н е. Мне тоже.

Т и б ю р с. А-а!

Б л а н д и н е (вкрадчиво). Итак, друг мой... значит, мы ухаживаем за собственной тетей?

Т и б ю р с (оторопев). А?.. Что?.. Кто вам сказал?..

Б л а н д и н е. Она сама!

Т и б ю р с. А-а! (В сторону.) Нехорошо, тетушка!

Б л а н д и н е. Несчастный! Значит, у тебя отсутствуют родственные чувства? Как могла прийти тебе в голову подобная... ни с чем не сравнимая мысль?

Т и б ю р с. Знаете, дядя... я приходил сюда ежедневно... И вот, видя вас обоих... молодую женщину... и старого мужа...

Б л а н д и н е. Что?

Т и б ю р с. О-о! Но она ни разу не хотела меня выслушать...

Б л а н д и н е. Еще бы! Впрочем, ты бы мне и не рассказал об этом... Дай честное слово.

Т и б ю р с. Честное слово.

Б л а н д и н е. Спасибо. (В сторону.) Но это еще ничего не доказывает.

Т и б ю р с. И однажды, на лестнице, она даже отхлестала меня... по обоим щекам.

Б л а н д и н е (удовлетворенно). А-а. Это хорошо... Даже очень хорошо... (В сторону.) Если это правда!.. (Подумав.) А что же ты ей сказал такого, чтобы привести ее к подобной крайности... на лестнице?

Т и б ю р с. О! Ничего особенного.

Б л а н д и н е. Ну, а все-таки?

Т и б ю р с. Знаете... Хочется поразвлечься. (С жаром.) Но я не замедлил признать свою ошибку... свою вину... и теперь презираю себя... да, дядя, я сам себя презираю.

Б л а н д и н е. В добрый час!.. Продолжай в том же духе.

Тибюрс (*в сторону*). Он смягчается... (*Громко*).
И вот чтобы забыться... отвлечься от этой преступной
страсти... я ударился в распутство.

Бландине. Хорошо.

Тибюрс. В мотовство...

Бландине. Очень хорошо!

Тибюрс. Я полюбил другую женщину...

Бландине. Превосходно! Продолжай в том же
духе.

Тибюрс (*умиленным тоном*). Бедную девушку... из
народа...

Бландине. Это мне безразлично!

Тибюрс. Которую я обязан поддерживать... своим
трудом... бессонными ночами... потом и кровью...

Бландине (*пожимая ему руку*). Дай мне руку, му-
жественное дитя!

Тибюрс. Она работница, и у нее слепой отец.

Бландине (*недоверчиво*). А-а!

Тибюрс. А мать...

Бландине. Парализована?

Тибюрс. Обе руки!

Бландине. Да...

Тибюрс. Конечно, подобные жертвы истощили мои
скромные сбережения, и я пришел, чтобы попросить у
вас... если вы только будете так добры... одолжить мне
двадцать... или двадцать пять луидоров... вас, кто столь
великодушен...

Бландине (*осматриваясь вокруг*). Тсс...

Тибюрс радостно протягивает ему руку.

Нет, это бесполезно. (*Доверительно*.) Друг мой, знаем мы
таких... Твой всем сердцем.

Тибюрс. Папины слова... Как... вы мне отказываете?

Бландине. Вполне сознательно.

Тибюрс. Вы перестали быть дядей Бландине... вы
поете с голоса отца... Прощайте!..

Бландине. Куда ты?

Тибюрс. В кафе Ламблен! Жребий брошен. (*Уходит
в дверь в глубине*.)

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Бландине, Генриетта.

Бландине. Не упоминай он парализованной матери...
быть бы мне в дураках!

Генриетта (входя). Ну что ж, друг мой, ты видел
Тибюрса?

Бландине. Да, только что имел с ним беседу... ока-
зывается, на лестнице ты доказала ему...

Генриетта. Что доказала?..

Бландине (в сторону). Посмотрим, правда ли это?..
(Громко). Доказала ему свое расположение.

Генриетта. Как! Он посмел сказать? Я дала ему
пощечину!

Бландине. О! Спасибо... я знал это...

Генриетта. В таком случае...

Бландине. Мне было приятно услышать об этом
вторично... (Подумав.) Но что же он тебе такое сказал?
Ведь не награждают же пощечиной так, за здорово жи-
вешь.

Генриетта. Что он мне сказал?.. Не думай боль-
ше об этом, скверный ревнивец!.. Тебе достаточно знать,
что твоя жена верна своему долгу... и своей любви к
тебе...

Бландине. Итак, ты не хочешь мне этого сказать?
Подождем до завтра.

Генриетта. Вот именно... в другой раз... (Зажигает
свечу на буфете.)

Бландине (в сторону). Очень странно, что она мне
не сказала этого!..

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Генриетта, Бландине, Франсуа.

Франсуа (входит, в сильном раздражении). Шало-
пай! Лодырь! Бездельник!

Бландине. Кого это ты?

Франсуа. Тибюрса... его только что взяли... у меня
из-под рук... и повели в Клиши!..

Бландине. Как, у него долги?

Франсуа. Двенадцать тысяч... двенадцать тысяч франков!

Бландине. Скажите! Тем самым он тебе обходится в двадцать четыре тысячи... как и мой сын! Что ж, но он округлил счет, этот Тибюрс... он отращивает брюшко...

Франсуа. Мне это все равно! Я не заплачу! Пусть сидит в тюрьме!.. Всю свою жизнь!

Бландине. До завтрашнего утра.

Франсуа (злбно). О-о! Попадись он мне сейчас... в руки. (Внезапно.) Пойду к нему. (Встает.)

Бландине. К чему?

Генриэтта (в сторону, уходя в дверь налево). Бедный мальчик.

Бландине. Сегодня вечером тебе не дадут свидания... тюрьма закрыта.

Франсуа. Ты полагаешь? Тогда дай мне стакан воды. (Садится справа.)

Бландине. Сейчас. (Подходит к буфету.)

Франсуа. Раз я не могу его повидать... буду ему писать... всю ночь напролет... это принесет мне облегчение!

Бландине (смотрит на сахарницу). О-о!

Франсуа. Что такое?

Бландине. Пять кусочков. Трех кусочков не хватает.

Франсуа. Черт возьми!

Бландине (хватает графинчик с водкой и рассматривает его). И тут стало меньше! (Извлекает носовой платок и измеряет.) Точно! На узелок меньше!

Франсуа. Ну как, теперь ты убедился? Вот тебе доказательство того, что в этом мире нужно уметь жить с открытыми глазами и запертыми замками... Добрый вечер. У меня пропала жажда. (Уходит в свою комнату.) Ах, грабитель!

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Бландине один.

Бландине. Невозможно!.. Я ошибся!.. (Пересчитывает кусочки сахара.) Два... четыре... пять... Ах, Жозеф!.. Ведь я ему никогда не отказывал в сахаре!.. Кажется, Франсуа прав... я отношусь к той категории людей, кото-

рых надувают. Сменим категорию, запрем замки! (Идет к шкафу, запирает его на двойной поворот ключа и кладет ключ в карман.) Похоже, что мир населен шельмами, держателями ресторанов, сапожниками, племянниками, слугами... (Берет сахарницу, графинчик и подсвечник с зажженной свечой.) А друзья?.. Этот Обертен... Гюстав! Отвратное имя!.. (Берет муфточку, затем ботинки и сапоги.) Мало того, что он одалживает у меня пятьдесят тысяч франков, он пытается втянуть моего сына в брак... но я здесь... я на страже... Ах, сегодня мне все ясно... (Уходя к себе в комнату.) Да... но, пожалуй, вчера я чувствовал себя более счастливым.

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

Кабинет Бландине. Письменный стол, этажерка, стол посредине сцены.
Дверь в глубине и по две двери с каждой стороны.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Генриетта, Жозеф, затем Прюданс.

Генриетта (*Жозефу, который держит весы*). Итак, что же вы хотите делать с этими весами?

Жозеф. Я ничего не знаю, мадам... Это хозяин велел мне их купить... (*Ставит весы на письменный стол.*)

Прюданс (*входит из двери направо*). Мадам, хозяин спрашивают все счета за этот год.

Генриетта (*в сторону*). Опять новость... Сегодня утром он разбудил меня ни свет ни заря, чтобы взять книгу, в которую я заношу свои расходы... (*К Прюданс.*)
Что делает ваш хозяин?

Прюданс. Они у себя в комнате... изучают книгу расходов мадам... они потребовали, чтобы и я им дала свою. Что же это такое?

Генриетта (*в сторону*). Поистине, мне кажется, он сходит с ума.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же, Бландине.

Бландине (*входит в дверь справа, на втором плане; у него под мышкой книга для записи расходов, зовет*).
Жозеф!

Жозеф. Вот весы, сударь.

Бландине (*принимая весы*). А-а, очень хорошо... Они точные?

Жозеф. Только что от лавочника.

Бландине. Это еще ничего не значит... лавочник!.. Это враг!.. (*Жозефу*.) Возьмите и взвешивайте всех поставщиков, которые придут...

Жозеф (*удивленно*). Как! Я должен взвешивать поставщиков?

Бландине. Нет!.. их товары... А лучше зовите меня, я желаю при этом присутствовать...

Жозеф. Слушаюсь, сударь. (*Тихо, к Прюданс*.) Что с ним стряслось?

Жозеф и Прюданс выходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Генриетта, Бландине, затем Жозеф, затем Прюданс, затем Леонс.

Генриетта. К чему такое недоверие, такая подозрительность?

Бландине. Жизнь — прогулка; я убедился, что дорога скверная, — и надеваю очки!

Генриетта. Ты будешь мучить себя из-за пустяков...

Бландине. Ничуть!.. Я принял решение... и мне весело! Я испытываю острое удовольствие, выслеживая все подлости существ мне подобных... я изучаю вредных животных.

Генриетта. Неужели ты можешь отзываться так о людях, которые уважают тебя, любят, открывают перед тобой двери своего дома.

Бландине. Но паук тоже открывает свои гостиные перед славными мушками, которые застревают в его паутине...

Генриетта. Ах! Что за сравнение!

Бландине. Видишь ли, я был бы очень счастлив... да, очень счастлив, если бы кто-нибудь пришел просить меня об услуге...

Генриетта. Отлично, я узнаю тебя!

Бландине. Да... я отказал бы этому человеку... с наслаждением!

Генриетта. Как?

Бландине. Я начинаю понимать счастье, которое испытывают люди, досажая своим ближним!

Генриетта (смеясь). Да это отдает жестокостью.

Бландине. Отнюдь нет! Цивилизацией... На, вот твоя книга расходов... (Передает ей.) Да, ты еще не знаешь, что мой шляпный мастер... вор!

Генриетта (принимает у него книгу, кладет ее на стол и проходит направо). Этого еще не хватало.

Бландине. Я только что получил доказательство... он мне посчитал в этом году за четыре шляпы... а я брал всего две... А еще отец семейства! Очень странно!

Генриетта. Две шляпы тебе и две — Леонсу.

Бландине. А-а! Ты уверена?

Генриетта. Конечно.

Бландине (задетый). Тогда другое дело! Тут ничего не скажешь... (В сторону.) Но он мне еще попадется...

Прюданс (входит). Мадам, я не нахожу ключа от шкафа...

Бландине (шаря в кармане). Вот, но верните мне его немедленно.

Жозеф (входит). Не знаю, куда запропастился ключ от буфета.

Бландине (шаря в другом кармане). Вот, но верните мне его немедленно. Попросите моего сына зайти.

Прюданс и Жозеф уходят.

Генриетта. Что это? Ты намерен все ключи от дома держать у себя в кармане?

Бландине. Если бы сахарницы могли говорить, они бы сказали, что для ключа нет места лучшего, чем карман хозяина. Это аксиома.

Леонс (входит слева). Папа, вы меня звали?

Бландине. Да, мне нужно получить у тебя разъяснение... Сегодня утром я заглянул в книгу твоей матери и обнаружил там запись... (Берет книгу.) «Шестнадцатого

мая... Леонс, разные расходы... сто франков». На что пошли эти деньги?

Леонс. Право, не знаю... с тех пор... у нас сейчас октябрь...

Бландине. Да. (Снова открывая книгу.) Я читаю также: «Девятого июня, Леонс, разные расходы... сто пятьдесят франков». У тебя слишком много разных расходов...

Леонс. Но, папа...

Бландине. Я тебе доверяю... однако я хотел бы знать, на что идут твои деньги... Отныне я буду тебе давать по сто франков в месяц...

Генриетта. О-о!

Бландине (поспешно). Если тебе не хватит, ты у меня попросишь еще!

Леонс. Этого хватит, папа.

Жозеф (появляясь). Сударь, мясник пришел!

Бландине. Очень хорошо! Иду... (Потирая руки.) Ну и посмеемся же мы сейчас! (Уходит вместе с Жозефом.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Леонс, Генриетта, затем Франсуа и Тибюрс.

Леонс. Что это означает?

Генриетта. Я ничего не понимаю! Я не узнаю больше твоего отца. Он заболел.

Франсуа (появляясь вместе с Тибюрсом). Входи, шалопай, и опусти глаза!

Генриетта и Леонс. Что случилось?

Франсуа. Познакомьтесь с мсье, который только что из Клиши.

Тибюрс. Но...

Франсуа (сердито). Опусти глаза!

Тибюрс (в сторону). Все равно, он уплатил!

Франсуа (Генриетте). Представьте себе, что...

Генриетта. Извините!.. Но ко мне пришли из магазина! (Выходит в дверь направо.)

Франсуа. Теперь, когда мы больше не на улице... и я не боюсь, что вокруг нас соберется толпа (угрожающе), мы потолкуем!

Леонс. Дядя.

Франсуа. Оставь нас.

Леонс намеревается выйти через дверь слева. Тибюрс его задерживает.

Тибюрс. Леонс...

Франсуа (*властно*). Ну... оставь нас!

Леонс выходит.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Франсуа, Тибюрс, затем Леонс.

Франсуа. Подойди сюда, негодяй! Богема! Так, значит, ты пользуешься здесь кредитом? Находятся дурачки, которые принимают твою подпись?

Тибюрс. Еще бы, папа!

Франсуа. Ты обращался к ростовщикам.

Тибюрс. О, нет! Мне были совершенно необходимы двести франков!

Франсуа. На что? Чтобы питаться индейкой с трюфелями?

Тибюрс. Ну нет, конечно...

Франсуа (*усаживаясь у стола*). Выкладывай... потом я вынесу тебе приговор!

Тибюрс. Мне указали торговца мебелью... славного и достойного человека... который предложил мне займы деньги... без процентов.

Франсуа (*удивленно*). А-а! Это хорошо!

Тибюрс. Погодите... он поставил лишь одно условие... чтобы я купил три комода... которые загромождали его магазин...

Франсуа. Тут ничего не скажешь... Коммерция...

Тибюрс. Этот славный человек заставил меня подписать вексель на четыре тысячи франков!

Франсуа. Ты же сказал мне — на две...

Тибюрс. Да... но комоды...

Франсуа. Две тысячи франков!.. Три комода!..

Тибюрс. В Париже комоды очень в цене... когда в них нуждаются.

Франсуа. А-а!

Тибюрс. Векселю истек срок... я не уплатил...

Франсуа. Надо было написать мне!

Тибюрс. Что я и сделал... Вы мне ответили: «Знаем мы таких... всем сердцем твой».

Франсуа (*изобразив сожаление, не очень уверенным голосом*). Затем?

Тибюрс. Торговец мебелью становился все более неговорчивым... Тогда я познакомился с продавцом шалей... человеком очень денежным... он мне тотчас отсчитал четыре тысячи франков без процентов...

Франсуа. Эге!

Тибюрс. Но намекнул, что с удовольствием продал бы мне индийский кашемир, так как у меня такого нет... Я согласился... подписал ему вексель на восемь тысяч франков.

Франсуа. Несчастный! На четыре тысячи франков кашемира!

Тибюрс. Он бывает на разную цену! Этот — превосходен!

Франсуа. Ты мне его дашь... а там посмотрим; когда ты женишься — он будет твоим свадебным подарком.

Тибюрс. Какой вы справедливый! (*Кладя на стол бумажку*.) Вот!

Франсуа (*беря ее*). Что это такое? Ломбардная квитанция! (*Угрожающе наступая на него*). Несчастный! Ты ходишь по ломбардам?

Тибюрс (*решительно*). Да, папа, в те дни, когда мне хочется кушать!

Франсуа. Что? Кушать!.. А уроки... репетиторство?

Тибюрс. Я вас обманул... у меня их нет!

Франсуа. Тогда на что же ты жил в течение двух лет?

Тибюрс. А-а! Вот этого я и сам не знаю... только бывали дни, когда я ложился... выпив несколько глотков воды.

Франсуа. Как! Ах, боже мой!.. (*В сторону, сильно расстроженный*.) Бедное мое дитя! Мой маленький Тибюрс! Воды!.. (*Глядя на него*.) Какой он худой. (*Громко*.) Тибюрс?

Тибюрс. Папа?

Франсуа (*раскрывая перед ним свои объятия*). Поди сюда!

ствуует тому, чтобы я одолжил тебе пятьдесят тысяч франков, которые я тебе обещал... Это меня так огорчает, что я никогда не утешусь... Всем сердцем твой...». Так всегда пишут, когда хотят отказать! (Звонит.)

Жозеф. Сударь, вы звонили?

Бландине. Отправьте письмо по адресу... немедленно...

Жозеф. Ответа ждать?

Бландине. Нет... Ответа не ждите!

Жозеф. Хорошо, сударь; я надеваю шляпу и тотчас иду.

Бландине (один). Ах-ах! До чего же скверно я сейчас поступил! Подло!.. Мерзко!.. Жестоко!.. Старый друг!.. (Зовет.) Жозеф! (Одумавшись.) Ну что ж!.. Тем лучше!.. Здорово сделано!.. Я становлюсь шельмой! Черствым!.. Как другие!

Жозеф проходит в глубине сцены и встречается с Обертенем.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Бландине, Обертен, затем Жозеф.

Обертен. Письмо!.. Это хорошо... Дайте мне его!

Бландине (в сторону). Он!

Обертен. Ах! Друг мой! Какая радость! Какое счастье! Я спасен!

Бландине. Что?

Обертен. Мое судно... «Прекрасная Ирма»... Оно в Гавре!..

Бландине. А, вот как!

Обертен. Прибыло нынче утром! Мне только что сообщили об этом! Великолепный груз!.. Целое состояние!.. Да обними же меня!

Бландине. С удовольствием. (Обнимает его. В сторону.) Черт возьми! А мое письмо!

Обертен. Я пришел, чтобы объявить тебе эту добрую весть и сказать, что мне уже не потребуются твои пятьдесят тысяч франков.

Бландине (в сторону). Если б я это знал раньше!

Обертен. Но послушай, Бландине... нет, Эдмон!

Обмениваются рукопожатием.

Старина Эдмон!

Бландине (в замешательстве). Гюстав! Старина Гюстав!

Обертен. Порой нам жестоко достается от превратностей судьбы... но в этом есть свой плюс... тем самым мы познаем своих истинных друзей. (Держит письмо в правой руке, которую кладет на правое плечо Бландине.)

Бландине (протягивая руку). Да... мое письмо!

Обертен (забирает руку и кладет ее на другое плечо). Поэтому я никогда... слышишь, никогда не позабуду того, что ты сделал для меня!

Бландине (та же игра). Не будем больше об этом говорить!

Обертен. А наши дети! Наши дорогие дети! Как они будут счастливы! Вчера Леонс просил руки моей дочери...

Бландине. Да... я знаю...

Обертен. Но ты понимаешь, что в том положении, в котором я находился, — судно могло погибнуть... я был бы разорен, — я мог ему дать лишь один ответ: «Подожди, мой друг... поступай, как я... надейся!»

Бландине. Как?

Обертен. Совесть не позволяла мне отдать твоему сыну девушку без приданого.

Бландине (пожимая ему руку). Ах, Гюстав!

Обертен. Но сегодня... я богат... быть может, богаче тебя. И я имею честь, сударь, просить у вас руки вашего сына...

Бландине. Весьма счастлив... конечно! (Громко, забываясь.) Мое письмо... если бы я сумел... (Хочет взять письмо.)

Обертен. Что с тобой? Ах, твое письмо!

Бландине (сильясь улыбнуться). Оно ни к чему! Верни его мне!

Обертен. И не собираюсь... я хочу знать, что ты мне написал...

Бландине. Нет!

Обертен (вскрывая письмо). Ах, боже мой!

Бландине (в сторону). Ну, все! Что ему сказать?

Из дверей в глубине входит Жозеф, останавливается при первых словах Обертена и все слышит.

Обертен. «Непредвиденное несчастье!» Ах, мой бедный друг! Значит, слухи неспроста? Я не решался заговорить с тобой об этом!

Бландине. О чем?

Обертен. Твои банкиры... Господин Тюрнепс и компания...

Бландине. Ну и что?

Обертен. Они удрали!

Бландине. Ах, боже мой! Что ты говоришь?

Обертен. Да разве ты не слышал?

Бландине. Нет.

Обертен (показывая ему письмо). В таком случае...

Бландине (поспешно). Да! Да! Несчастье! Но где же они?

Обертен. Пока ничего не известно.

Бландине. Но у них мои триста тысяч франков! Я разорен!

Жозеф. Разорен!

Обертен. Ах, мой друг! Мой бедный друг! Какой удар! Ты, такой добрый, такой преданный! Но не беспокойся! Мужайся, мы еще увидимся! (Поспешно уходит.)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Бландине, Жозеф.

Бландине (направляется к столу и садится). Ну вот, он уходит! Покидает меня! После той услуги, которую я ему чуть было не оказал! Конечно, он уже не вернется! (Замечая Жозефа.) Ну, а этот сейчас потребует расчета.

Всклипывания Жозефа.

Знаем мы это! И все ради того, чтобы получить хорошую рекомендацию...

Жозеф снова всклипывает.

Ладно-ладно, вы ее получите.

Жозеф (со слезами в голосе). Если бы мсье было не обременительно оставить меня служить даром... В еде я непривередлив...

Бландине (удивленно). Как, вы хотите служить у меня без жалованья?

Жозеф (плача). Мне было бы так тяжело покинуть вас, мсье.

Бландине. Он льет неподдельные слезы!

Жозеф (всхлипывая). Такого доброго хозяина... который в прошлом году, когда я простудился... сами пошли искать для меня притиранье... (Плача.) Ай-ай!

Бландине (со слезами на проясняющемся лице). Ах, Жозеф! Как горестно разориться... Но, с другой стороны... мне это приятно...

Оба утирают слезы и всхлипывают.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Те же, Генриетта, Леонс.

Генриетта (входя из двери слева, в сопровождении Леонса; видя, как они оба утирают глаза). Как, слезы?

Леонс. Что случилось?

Жозеф. Ах, мадам... мсье разорились!..

Леонс и Генриетта. Разорился!

Бландине. Что поделаешь! Доверчивость! Глупость!

Генриетта. Друг мой!

Леонс. Папа!

Генриетта. Ах, теперь мне понятна твоя озабоченность... Изменения, которые ты хотел внести в наши расходы...

Жозеф. А не то разве бы они стали когда-нибудь проверять мясника!

Генриетта. У меня есть бриллианты... кружева... Мы их продадим...

Бландине. Она хочет продать свои бриллианты!

Леонс. А еще сегодня утром вы предложили мне сто франков в месяц! О-о! В этом нет необходимости, папа... я молод, буду работать... Теперь мой черед заботиться о ваших нуждах...

Б л а н д и н е. *Добрый малый!*

Г е н р и е т т а. Бедный друг! Наши два сердца согреют тебя, и ты не ощутишь холода нужды!

Ж о з е ф. Наши три сердца!

Все четверо всхлипывают.

Б л а н д и н е (*взяв под руку Леонса и Генриетту*). О-о! Продолжайте, продолжайте! Если бы вы знали, что для меня значат эти слова! Ах! Семья! Нужно верить только в нее... и немного в слуг! (*Жозефу.*) Спасибо, Жозеф... За это я вас прощаю!

Ж о з е ф. За что же, сударь?

Б л а н д и н е. Так! Ни за что... Почти что ни за что... Вчера... сахар... водка... но не будем больше говорить об этом!

Ж о з е ф. Вчера... да это же господин Тибюрс готовили себе прог...

Б л а н д и н е. Ах, вот оно что! (*В сторону.*) А я обвинял его! (*Шарит в кармане и извлекает оттуда связку ключей.*) Возьмите, Жозеф! Я их забрал... не по недоверчивости, а чтобы привести в порядок...

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Те же, Мизабран.

М и з а б р а н (*поспешно входит, очень взволнован*). Сударь! Ах бедный честный человек!

Б л а н д и н е. В чем дело?

М и з а б р а н. Я только что узнал о происшедшем и принес вам квартирную плату за полгода. (*Вручает Бландине деньги.*)

Б л а н д и н е, Л е о н с и Г е н р и е т т а. Что такое?

Б л а н д и н е. А-а! Мизабран!

М и з а б р а н. А остальное я уплачу в конце текущего месяца...

Б л а н д и н е. Это не к спеху...

М и з а б р а н. Когда вы были богаты, вы могли ждать, но сегодня...

Б л а н д и н е (*утирая глаза бумажными деньгами*). Ах,

Мизабран, что же вы делаете!.. *(В сторону.)* Возможно, что кожу он ставил и не первосортную... зато сердце... *(Громко, с жаром.)* Мизабран, мне нужны сапоги!

Мизабран. Нет, сударь... больше я вам сапог шить не стану!

Бландине. Но тем не менее...

Мизабран. Нет, сударь!.. Вот ваша мерка. *(Рвет ее.)*

Бландине *(в сторону)*. Это прекрасно. Значит, нужно верить и в сапожников!

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Те же, Франсуа, Тибюрс.

Франсуа *(входя с Тибюрсом из двери справа)*. Так-так, до меня дошли хорошие новости! Разорен!.. В твои-то годы!.. Я это предвидел! Ты позволял себя одурачивать... надувать... подобно какому-нибудь болвану...

Тибюрс *(в сторону)*. Бедный добряк дядя!

Бландине *(в сторону)*. Так-то он меня утешает! *(Встает вместе с Генриеттой.)*

Леонс его усаживает.

Франсуа. Тебе придется столкнуться с трудностями, судами... рекомендую тебе Тибюрса... он адвокат...

Бландине. Благодарю!.. *(В сторону.)* Если этим ограничивается все, что он мне предлагает...

Тибюрс. Папа...

Франсуа. Что?

Тибюрс. Дело в том, что... я не совсем адвокат.

Франсуа. Как так?

Тибюрс. Потому что... деньги на мой диплом... я проел!..

Франсуа. А-а! Если ты пустил их на еду, то хорошо сделал! *(В сторону, ощупывая его руку.)* Бедняжка! *(Громко.)* Пообедаем вместе. *(Садится за письменный стол и пишет.)*

Тибюрс идет пожать руку Леонсу, потом подходит к дяде, который встает.

Тибюрс (тихо, к Бландине). Дядя!

Бландине. Да?

Тибюрс (отстегивая булавку, тихо). Возьмите это... пока отец пишет.

Бландине. Бриллиантовая булавка!

Тибюрс (тихо). Она стоит тысячу двести франков... это все, чем я располагаю...

Бландине (отказываясь). Потом... если мне требуется... (В сторону.) Добрый малый! А я ему отказал в двадцати лундорах! Ах, как хорошо иметь племянников! Вот зато братьев!.. Возьмите моего... Он спокойно пишет письмо...

Франсуа (вставая, порывисто, к Бландине). Вот подпишись здесь... простофиля!..

Бландине. Что это такое?

Франсуа. Акт о том, что ты становишься моим компаньоном.

Все. Как?

Бландине. Твоим компаньоном?

Франсуа. Надо же тебе восстановить свое состояние, раз ты его потерял!

Бландине (бросаясь к нему на шею.) Ах, Франсуа...

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Те же. Обертен, Лора.

Обертен (входя вместе с Лорой и увидев Бландине в объятиях брата). Послушай, не расстраивайся! Все может исправиться!

Леонс и Генриетта. Господин Обертен!

Обертен (вытаскивая из кармана бумагу, к Бландине). Вот, подпиши-ка!

Бландине. Что?

Обертен. Акт о компаньонстве!

Бландине. Еще! (Бросаясь ему на шею.) Ах! Гюстав! (В сторону, плача и утирая глаза актами.) А я сказал, что он не вернется! Ах! Нужно верить в друзей!

Обертен. А вот Лора, которая ждет, чтобы ты соблаговолил просить ее руки...

Бландине. О-о! Теперь это невозможно! У Леонса нет средств...

Обертен. Извините, у него есть... ему пойдут на приданое те пятьдесят тысяч франков, которые ты хотел одолжить мне...

Бландине (*поспешно*). Не будем говорить об этих деньгах!

Обертен. Наоборот! поговорим о них! Пусть они послужат им основой.

Бландине (*в сторону*). Боже мой, как они добры!

Лора. К тому же моего состояния хватит на двоих... и, если потребуется, я согласна лишить себя...

Бландине. Лишить себя! Бедняжка! (*В сторону*.) Как добры женщины!

Обертен. И потом, быть может, вовсе не следует отчаиваться. Твой банкир мсье Тюрнепс был только что задержан на бельгийской границе.

Леонс. Мсье Тюрнепс...

Бландине. Значит... триста тысяч франков?..

Леонс. Но они же находятся не у него... По вашей доверенности я взял их позавчера... и положил в банк.

Все. Ах!

Бландине. Неужто это возможно! Я... я богат! Мизабран, возвращаю вам ваши деньги за квартиру!

Мизабран. Это не к спеху... завтра.

Бландине (*Жозефу*). Жозеф, я удваиваю тебе жалованье! (*Жене*.) Ты получишь бриллианты! (*Леонсу*.) Карету!

Обертен. Ну как, ты доволен?

Бландине. О, да! (*Глядя на него*.) То есть нет!

Все. Почему же?

Бландине. Ах, почему? Потому что я сделал кое-что такое... о чем я вам не могу сказать! Ах! Гюстав! Старина Гюстав, я жалкий негодяй! Я усомнился в дружбе, в верности своей жены, в своем сапожнике... да ведь это ангел!

Мизабран (*подходя*). О-о! мсье...

Бландине. Не вы... моя жена!.. В господине Бребане!

Франсуа. Кстати! Припоминаю, что я ел креветки!

Бландине. Вот! Недурно получилось. Я стал злым,

подозрительным (*Лоре*), перестал верить в наших птичек!

Лора. О-о, каким же несчастным человеком вы себя чувствовали.

Бландине. О да! Но теперь я исправился... И пусть приходят ко мне просить об услуге или одалживать денег... тогда убедятся!

Франсуа (*тихо и поспешно*). Тсс! Тибюрс!

Бландине. Именно для него, такого славного малого, я и произнес эти слова. Видите ли, дети мои, я хорошенько поразмыслил, и теперь... вот уже пять минут... я знаю, что такое мир. Так вот, если допустить, что на свете и существуют люди не совсем безупречные... А это только предположение! Чтобы быть счастливым, нужно сделать две вещи...

Франсуа. Открыть глаза и запереть замки...

Бландине. Нет!.. Закрывать глаза... и открыть объятия.

Занавес